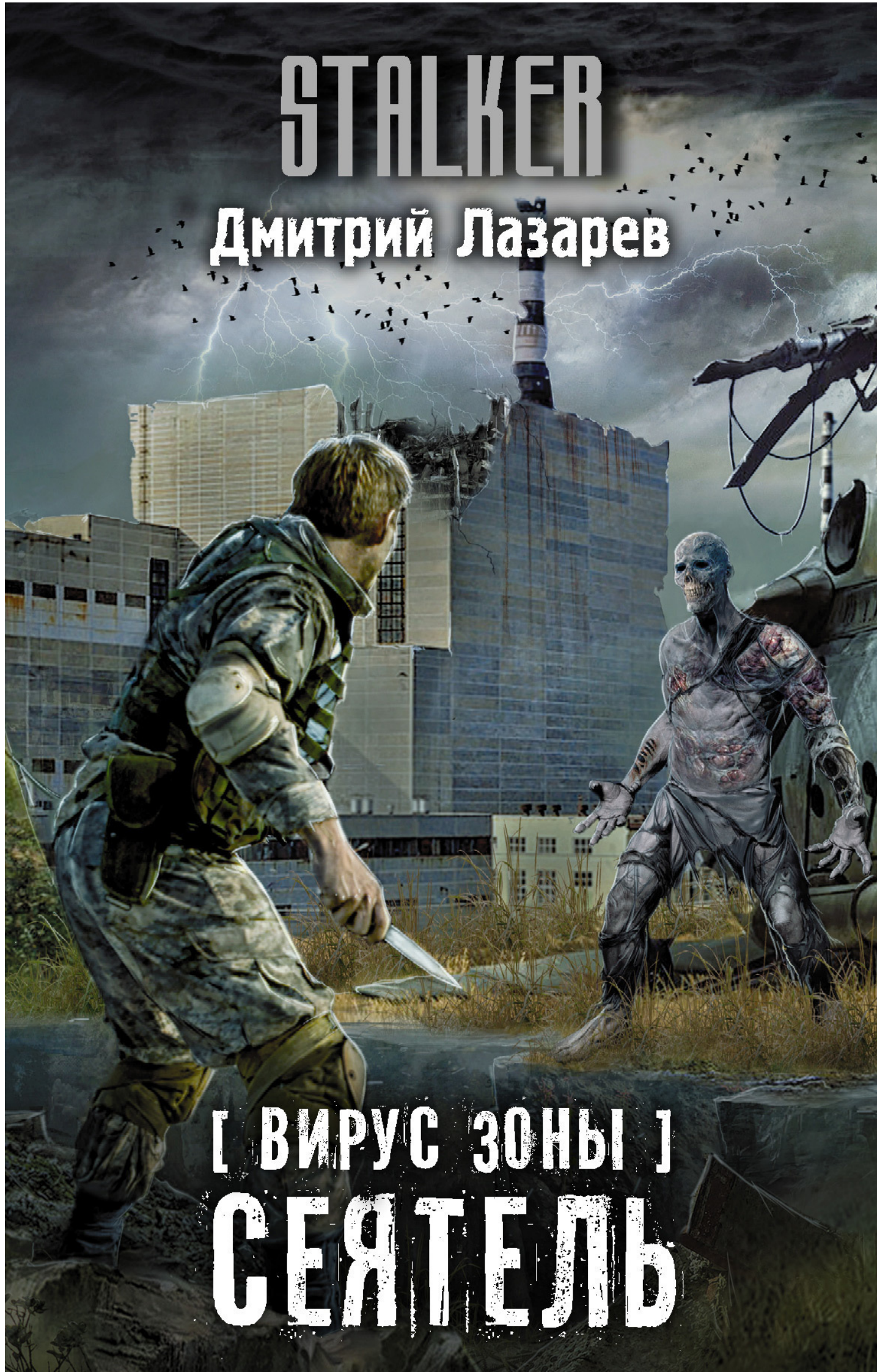

STALKER

Дмитрий Лазарев

[ВИРУС ЗОНЫ]
СЕЯТЕЛЬ

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Лазарев

Вирус Зоны. Сеятель

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лазарев Д. В.

Вирус Зоны. Сеятель / Д. В. Лазарев — «Издательство АСТ»,
2020 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-119412-3

Лесногорской аномалии больше нет, но угроза не исчезла. Неведомая могущественная сущность вырывается в нашу реальность, и целый отряд АПБР гибнет в массовой бойне под Иркутском. «Лояльный», жертва эксперимента по созданию Измененных нового поколения, собирается сделать орудием своей мести носительницу смертельной чумы. Кровавый след жестоких убийств ведет из Сибири к Уралу, а московские сталкеры получают заказ на уничтожение питерского Источника. Во всех этих вроде бы не связанных событиях Посвященный Олег Катаев видит признаки надвигающейся войны между посланцами вселенского разума. Способен ли хоть кто-нибудь остановить безумного Сеятеля, жаждущего уничтожить человечество?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119412-3

© Лазарев Д. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Интерлюдия 1	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Лазарев

Вирус Зоны. Сеятель

Пролог Посвященный

Санкт-Петербургская Зона. Одиннадцатый год метеоритного дождя

Тьма. Она была везде. Даже внутри него. Он был тьмой, а она была им. Он растворялся во тьме, становился невероятно огромным, как целый мир, но в то же время оставался собой. Уже не человеком, но еще и не окончательно и бесповоротно новой формой жизни, которая должна унаследовать Землю. Высшим существом, переходной ступенью эволюции, посредником между человечеством и Сеятелями, и одновременно тем, кого он вспомнил в момент перепрограммирования Источника. То, изначальное «Я» продолжало жить в нем. Хотя тьма и норовила поглотить его целиком, сделать так, чтобы он перестал существовать как личность.

Но Посвященный сопротивлялся – понимал, что нельзя, рано. Процесс еще только запущен, пусть и в правильном направлении, но пускать все на самотек нельзя. От того, насколько он справится со своей миссией, зависит слишком многое. Дивный новый мир или мир кошмаров и смерти. Мирное сосуществование или тотальная война на уничтожение. Посвященный не знал, насколько прочна новая программа Источника и не свернет ли все на прежние рельсы, едва он только уйдет с места «машиниста».

Эта тьма – она была живая, мыслящая, глобальный эгрегор Обломков-Сеятелей, как уже пробужденных, так и крепко спящих и лишь дремлющих на грани сна и яви. Каждое новое пробуждение было важно: проснувшийся Источник должен был получить по информационным каналам нужный программный код, тот, который Посвященный задал питерскому Источнику, – код мира и постепенных эволюционных преобразований. Но тьма слишком могущественна – неодолимое глобальное суперсознание, посланное на Землю вселенским разумом. Долго ли оно будет мириться с тем, что обитатели преобразуемого мира самовольно влезли в программу Сеятелей? Ответ на этот вопрос чрезвычайно интересовал Посвященного и одновременно страшил его.

Поэтому он продолжал плавать в этой тьме – почти часть ее, да не совсем. И это «не совсем», казалось, раздражало тьму, нарушало гармонию ее бытия самым фактом наличия и воспринималось как нечто чужеродное. Естественно, тьма стремилась устранить эту дисгармонию, и казалось бы, исход предрешен. Ибо что он такое – один Посвященный против безбрежного коллективного сознания сотен Сеятелей? Но *его* Источник, тот самый, который сейчас являлся единственным полностью активным, рассылающим всему эгрегору программные сигналы, заложенные Посвященным, защищал его. Именно поэтому, и только поэтому, каждый раз, когда Посвященный проваливался в необходимый пока его организму сон и оказывался здесь, ему удавалось просыпаться. И просыпаться собой.

Эти сны-странствия по безбрежной тьме были не только опасны, но и полезны: интеграция с глобальным эгрегором Сеятелей позволяла чувствовать все изменения, которые с ними происходили. Уже несколько десятков источников по всему миру находились на грани пробуждения, и хотя это пограничное состояние могло продлиться как пару дней, так и несколько лет, но уже было ясно, что вот-вот пробуждение примет массовый характер, и если он, Посвященный, упустит контроль над ситуацией, для человечества это обернется ужасной катастрофой.

Когда интеграция становилась чуть более сильной, на грани критической степени растворения «Я» Посвященного в эгрегоре, он чувствовал и более тонкие вещи – слабые и далекие сигналы дискомфорта от некоторых Источников. Но он не знал, как это толковать – для этого ему пришлось бы сделать необратимый шаг. А пока оставалось лишь гадать, что с этими Источниками не так. Находятся ли они в очень неприятном месте вроде жерла действующего вулкана рядом с озером кипящей лавы, или с ними что-то делают. Например, люди: изучают, подвергают каким-то другим процедурам, которые могут прийтись не по нраву частично пробужденному Сеятелю. Вот, скажем, АПБР вполне на это способно. После их затей с кровью Измененных Посвященный уже ничему не удивился бы. И ведь они не настолько тупы, чтобы не понимать: это игра с огнем. Но продолжают ее вести.

Вот только Посвященный был слишком далеко от этих проблемных точек и повлиять на события никак не мог. Конечно, можно было задать прямой вопрос своему Источнику, но это уж в крайнем случае. Их взаимная интеграция и без того была достаточно тесной, так что, если случится что-то действительно серьезное, сознания Посвященного эта информация никак не минует.

Пока, за исключением этих отдельных тревожных симптомов, все шло сравнительно спокойно, и Посвященный уже начал думать о грядущем пробуждении. Своим, разумеется. И о том, что он станет делать в первую очередь. Но тут произошло нечто странное.

Посвященного вдруг пронзила острая боль, и первой эмоцией его было безмерное удивление: здесь, во тьме, не могло быть боли – это владения чистого разума, а боль – атрибут плоти. Но в следующий миг он понял, что это не его ощущения, не его реакция, а ментальный отголосок того, что ощущал весь эгрегор Сеятелей. Происходило нечто из ряда вон выходящее и в то же время отчасти знакомое. Это было одновременно похоже и не похоже на пробуждение Источника. С тех пор как он стал Посвященным, Источники при нем еще не пробуждались, если не считать... Да, примерно год назад нечто в этом роде как раз и произошло в Сибири, недалеко от озера Байкал. Пробуждение, но какое-то неправильное. Тогда Посвященный еще только учился интегрироваться в эгрегор и многого не понял. Странные события у Байкала тогда изрядно взбаламутили ментальное пространство, но прекратились столь же быстро, как и начались. Вроде бы там что-то возникло, что-то странное и даже опасное, а потом исчезло, словно его выдернули из этого мира.

Год относительной тишины. Почти год. С тех пор Сеятели ни на что столь резко не реагировали, кроме событий с Сидом-Пауком. И вот снова. И похоже, там же, в районе озера Байкал. Совпадение? Ой, вряд ли! С тем, что было год назад, никто ничего не сделал. Проблема просто ушла. Сама. Только, выходит, не ушла, а спряталась. Что там сейчас? Какой-то Источник? С ним беда? И в этот момент в сознание Посвященного хлынул поток информации. От своего, питерского Источника. Он-то понял, что происходит, а в силу их тесной интеграции эти сведения сразу стали достоянием Посвященного. И того охватил леденящий ужас. А когда его наконец выбросило из сна, последние минуты которого напоминали уже изощренную пытку, ужас остался с ним и в яви.

Там, далеко на востоке, к северу от Иркутска, в маленьком городке под названием Лесногорск, исчезнувшем с карт Земли год назад, случилась страшная беда, масштабы которой еще только предстояло осмыслить. И что-то с этим сделать. Да только с идеями у Посвященного было весьма напряженно. А если честно, то полный ноль.

Глава 1

Дмитрий

Окрестности Иркутска

– Да что происходит, в конце-то концов?! – Голос Кейт сорвался на истерический фальцет. – Ты мне можешь объяснить?!

– А на что это похоже, как ты думаешь? – хмуро отозвался Дмитрий, прерывая свое страшное занятие. – И прекрати орать, в ушах уже звенит. Да и вдруг кто услышит, оно нам надо?

Последний аргумент возымел действие – словно кто-то резко выкрутил ручку громкости. И следующий вопрос был задан почти шепотом:

– От чего он умер?

«Лояльный» ответил не сразу – сначала копнул несколько раз лопатой, посмотрел на результат, недовольно хмыкнул, но все же спихнул тело незнакомца в импровизированную могилу и принялся закапывать. Девушка терпеливо ждала: ледяное спокойствие спутника пугало ее едва ли не больше, чем образовавшийся внезапно труп согласившегося их подвезти доброго самаритянина.

– Ты правда не догадываешься или талантливо включаешь дурочку?

По отсутствию ответа и четко ощущаемому спиной ее испуганно-растерянному взгляду Дмитрий понял, что продолжение таки требуется, и со вздохом добавил:

– На ногти свои посмотри и вспомни Лесногорск.

Он продолжал, не оборачиваясь, забрасывать землей мертвое тело бедолаги-водителя осиротевшего «Форда», печально застывшего на дороге. «Лояльному» не нужно было смотреть на Кейт, чтобы оценить ее нарастающий страх по заливающей лицо восковой бледности.

– Желтые... Это... симптом той чумы, да? Но почему я больше ничего не чувствую, а он уже умер? Сколько мы с ним ехали в машине? Три часа, четыре?

– Ну, во-первых, он, видимо, и без того не шибко здоровым был. Здоровых вирус убивает за пару-тройку дней. А во-вторых, ты – переносчик, а в этом случае все развивается медленнее. – Дмитрий продолжал размеренно работать лопатой.

– А как же ты? Почему с тобой ничего не происходит?

– Я же «лояльный», забыла? На меня эта зараза не действует. – Тут он все же остановился и посмотрел на нее. На усталом, перечеркнутом жутким шрамом лице выступила испарина, и видно было, что ему хочется тяжело опереться на лопату, но короткий черенок этого не позволял. – Ну что, все еще хочешь домой, к родителям?

У Кейт дрожали губы.

– И что теперь?

– Ничего хорошего, – мрачно бросил Дмитрий, возвращаясь к своему занятию. – Насчет себя тоже не обольщайся – оно в тебе зреет, только медленно. А то, что у меня есть, может только максимально затормозить процесс, но не остановить совсем.

– А что у тебя есть?! – встрепнулась Кейт.

– Универсальный штамм-блокиратор, – не очень понятно пояснил «лояльный». – Только всего несколько ампул, надолго его не хватит. – Он немного помолчал, вздохнул и, опережая очередное «а что потом?», добавил: – Ехать тебе надо со мной. Без меня ты долго не протянешь...

– Куда ехать?! – Девушка подскочила к Дмитрию и схватила его за локоть. «Лояльный» с трудом удержался, чтобы не отпрянуть, но посмотрел так, что сама Кейт поспешно сделала шаг назад.

– В Красноярск. Там ближайшее отделение АПБР.

– А там мне помогут? – В эти мгновения Кейт казалась живым воплощением надежды.

– Должны. – Дмитрий даже удивился, как легко и непринужденно сорвалась с его губ эта ложь. – Они уже в процессе создания вакцины, и все, что им нужно, – образец твоей крови с вирусом в ней.

Воплощение надежды едва не сделалось воплощением безудержного ликования, однако новая мысль снова нагнала тень на лицо Кейт.

– Но до него же... ох! Как мы доберемся-то?.. Поезд и самолет...

– Исключены, если, конечно, ты не хочешь запустить глобальную эпидемию. К счастью, у нас тут образовалась машина.

Эти слова он произнес, бросив на свежую могилу последние две лопаты земли и обстучав ее лезвие о свои кроссовки.

– К счастью?

Кейт даже слегка передернуло от такого подхода: ведь «лояльный» в отличие от нее, несомненно, знал, чем обернется для водителя согласие посадить их в машину. Знал и молчал. Какое уж тут счастье! Голый расчет самого циничного толка. Но обвинять сейчас Дмитрия во всем этом – уж точно не лучшая идея. И страх стал далеко не последним аргументом «против».

– Ну, если ты предпочитаешь угробить кучу народа на любом виде общественного транспорта или топать пешком тысячу с гаком километров с хорошей вероятностью помереть, не одолев даже десятой части пути...

– Нет, конечно! Только я водить не умею.

«Лояльный» пожал плечами.

– Значит, придется мне. Я, конечно, еще тот водитель, но на безрыбье... Будешь штурманом. Руку давай – пора делать первую инъекцию.

Глава 2

Рита

Окрестности Лесногорска

Ноги Риты гудели, и понемногу начинала ныть спина. Но хуже всего была бурлящая в голове ядовитая каша из безнадёги, боли и бессильной злости. Ситуация складывалась на редкость поганая, и выхода из нее не наблюдалось. От слова «совсем».

С каждой минутой от нее удалялись «лояльный» Дмитрий и зачумленная Кейт. И век бы ей их не видеть, да только эти двое, если оставить их в покое, способны похоронить ее последнюю надежду на жизнь, хотя бы отдаленно похожую на нормальную. Просто уничтожить в мире всю оставшуюся нормальность. Под корень. Превратить его в нескончаемый жуткий кошмар. Причем Кейт тут, похоже, ни сном ни духом. Она скорее всего даже понятия не имеет, какую бомбу сейчас собой представляет. А вот «лояльный» Дмитрий – та еще сволочь! Все он знает, этот больной ублюдок, но, видимо, хочет рассчитаться с человечеством за какие-то ему одному ведомые грехи, за собственную неудавшуюся жизнь.

Да, когда-то Рита тоже была такой, до того как Артем вколол ей антинову. Теперь ее передергивало при воспоминании о мертвых телах, которые она оставила за собой, сбегая из иркутского отделения полиции. Чем она, кипящая сейчас праведным гневом на Дмитрия, по большому счету, от него отличалась? Только масштабами жертв. Да, тогда она была еще не на вакцине, а он – да. То есть она не имела ни малейшей возможности контролировать свои инстинкты под властью Зова Источника, зато у «лояльного», похоже, есть чертовски веские причины ненавидеть людей. То на то и получается. Вот только сейчас он пытается сотворить то, что разрушит ее жизнь. Ее и ребенка. Ребенка Артема. Она не может этого допустить... и в то же время ничего не может сделать, потому что потеряла эту «сладкую» парочку. Очевидно, они воспользовались попутной машиной и куда-то уехали. Куда? Как ей теперь искать их? Тоже ловить машину? Пару часов назад это, наверное, еще можно было сделать, но сейчас на Лесногорской трассе все наверняка кишит апэбээровцами...

Стоп, а ведь это может быть выходом! В конце концов, проблема чокнутого «лояльного» и этой зачумленной – как раз по их профилю. Дать им информацию взамен на несколько ампул антиновы, которые ей, кстати, скоро могут понадобиться, когда ее ломать начнет без вакцины... Ага, так они ее и отпустили! АПБР, судя по всему, тоже первостатейные уроды. Даже если они ничего не знают о ребенке сувайвора, отпустить «лояльную»? Серьезно? Держи карман шире! АПБР понесло немалые потери в этом долбаном Лесногорске и теперь примется всеми силами их восполнять.

Только фиг она им дастся, даже ради антиновы. А вот поохотиться волчьим способом – отбить от группы одного оперативника, свалить его своей способностью пьющей жизнь и забрать вакцину – вполне реально! Можно спорить на что угодно, что к бывшей Лесногорской Зоне ни один апэбээровец без антиновы не сунется – они же себе не враги. Решено – так она и сделает! Убивать оперативника не станет – только вырубит его и в карман сунет записку с информацией, а дальше уж пусть у АПБР голова болит – они на таких делах собаку съели... Кстати, ее, записку эту, недурно бы сначала написать, хорошо подумав предварительно, что АПБР стоит знать, а что – нет. Где-то у нее в сумке были блокнот и ручка...

* * *

Рита не ошиблась – АПБР уже было весьма солидно представлено в бывших окрестностях бывшего Лесногорска, навсегда исчезнувшего с карты Земли и оставившего взамен очень впечатляющий вывал наподобие Тунгусского. Хотя нет, пожалуй, круче. Многие квадратные километры поваленного леса. И причины этого катаклизма еще придется как-то объяснять общественности, чтобы не вызвать паники. Впрочем, это проблемы АПБР, равно как и поимка двух опасных беглецов из Лесногорска. А у нее задача куда проще – найти «жертву», передать информацию и скрыться с добычей. Так, чтобы ее не нашли...

Это-то ладно, а что потом, когда закончится действие добытых ампул вакцины? Вопрос, конечно, интересный, только до этого «потом» надо было еще дожить. Поэтому, как говорила одна известная литературная героиня, «я подумаю об этом завтра».

А пока Рита, спрятавшись за могучими стволами елей на границе зоны вывала, наблюдала за довольно-таки бестолковой суетой множества оперативников АПБР, прибывших сюда на нескольких внедорожниках и двух вертолетах. Она сильно сомневалась, что им удастся хоть как-нибудь прояснить картину случившегося. Все полезное и интересное осталось в схлопнувшемся пространственном кармане, пожравшем Лесногорск. А здесь так – не последствия даже, а отголоски последствий.

Но хуже было другое – вся суета творилась довольно далеко от границы зоны вывала, а значит, и возможности скрытно подобраться к апэбээровцам нет. Представить, что никто не обратит внимания на вышедшую из леса одинокую женщину, направляющуюся к работникам спецслужбы при исполнении, достаточно сложно. Особенно в таком месте. Эх, жаль, что она, при своем таланте к поглощению чужой жизненной силы, не имела других талантов популярной в кино и беллетристике кровососущей нежити – не умела на расстоянии взять жертву под контроль и заставить приблизиться к себе. Это, будьте добры, к псионикам. Узкая специализация, чтоб ее!

И тут внезапно:

– Ну-ка, ну-ка, кто у нас тут? Медленно поворачивайся и никаких глупостей!

* * *

Первым делом Рита подумала, что она идиотка – надо же было настолько увлечься наблюдением за вероятным противником, чтобы полностью потерять бдительность! Типовая ошибка гражданской, пусть даже и со способностями пьющей жизнь, охотящейся на профессионалов спецопераций. Затем Рита подумала, что идиот апэбээровец – с Измененной не следует разговаривать, а стоит сначала пальнуть в нее стеновым дротиком, а уже потом, подстраховавшись от всяких неожиданностей, выяснять, кто она такая и что здесь делает.

Сила пьющей жизнь, опережая подчеркнуто медленный разворот ее тела, хлынула было в направлении голоса, чтобы свалить оперативника, доведя его до состояния полной беспомощности... Хлынула и тут же погасла, после чего послышался сухой смешок. И тогда Рита поняла, что верной оказалась именно первая мысль.

Апэбээровцев было двое. Мужчина и женщина, оба в камуфляже. Он – темноволосый с седыми прядями атлет чуть за сорок, она – коротко стриженная шатенка тридцати с копейками. У него в руках транквилизаторный пистолет наверняка со стеновыми дротиками, у нее – ничего. Но она «глушилка» – гасит способности Измененных. Так что Рита против этих двоих – беспомощней котенка. Судя по виду мужчины, он даже без всякого пистолета в рукопашной свернет ее в бараний рог за десять секунд, а его напарница не позволит применить спецспособности. Шах и мат самонадеянной дуре, вздумавшей поохотиться на охотников!

Брюнет был спокоен, как танк, и Рита не представляла, какое событие способно вывести его из равновесия. Про себя она решила пока так его и называть – Танком.

– Ты откуда? – он мотнул головой в сторону вывала.

– Да, но я «лояльная»... И не зараженная, – поспешила добавить Рита. А то с них станется пристрелить ее без разговоров, просто на всякий случай.

«Глушилка» вздрогнула и побледнела, а на лице Танка не дрогнул ни один мускул.

– Что за вирус? Откуда исходит?

– Подробностей не знаю...

Рита постаралась как можно более сжато изложить то, что знала о лесногорской чуме, ее происхождении и симптомах, о том, как схлопнулся пространственный карман, а также о «лояльном» Дмитрие и о Кейт. А вот Артема и вообще опасное слово «сувайвор» она предпочла оставить за скобками своего повествования, равно как и собственную беременность. Правда, все равно понимала, что с каждым словом вязнет все глубже, и шансы на то, что ее отпустят, и без того призрачные, становятся просто нулевыми.

Танк продолжал сохранять невозмутимость, а «глушилка» явно дергалась, хотя вот ей-то как «лояльной» чума была не страшна.

– Пургу не гони! – наконец не выдержала она. – Два дня! Пфф! Да Лесногорск уже год как исчез из нашего мира!

– Как год?! – Рита была потрясена настолько, что Танк ей, кажется, поверил.

– Каком кверху! – коротко рубанул он. – С этими аномалиями сам черт ногу сломит. Пойдешь с нами, там разберемся.

Мысли Риты отчаянно заметались, словно рыбы, попавшиеся на крючки, но способ избежать пленения (а что это было пленение, сомнений уже не вызывало), не находился, хоть тресни. Она уже открыла рот для банального и бесполезного «Не надо, отпустите меня!», когда события вокруг резко ускорились. За спиной у Риты, в середине вывала, началась какая-то суета, и воздух разорвал высокий женский крик: «Во-о-олки!»

Глава 3

Выживший

Окрестности Лесногорска

Реальность мерцает. Так у меня бывало, когда сбила спутниковая трансляция. У меня, по крайней мере, первая ассоциация такая. Картинка периодически гаснет вместе со звуком. Только сбои трансляции не сопровождаются болевыми ощущениями для зрителя. А мне вот сейчас больно. И очень. Я не знаю, что происходит, но чертовски хотел бы узнать. С памятью, кстати, та же ерунда. Тоже сбоят и глючит. «То, что было не со мной, помню». И наоборот.

Не помню, как вырвался из лесногорского ада... И еще кое-чего не помню. Важного. Очень важного. Безумие... В голове полный кавардак, очень похожий на то, что творится вокруг – перемолотый пространственным катаклизмом лес. Лесногорск больше не вернется в этот мир. Вместо него теперь вот этот бурелом. А то страшное, что гнойным нарывом зрело в этом городке, осталось там, за пределами реальности... Осталось ли?

Этого я тоже не помню. Но почему же у меня ощущение, что не все так просто? И еще чувство, что мне обязательно надо кого-то найти. Кого? И зачем? Что со мной случилось, когда меня выкинуло из коллапсирующей аномалии? Я потерял часть памяти? Часть личности? Или... что?! Я не знаю, как сходят с ума, но то, что творится со мной, очень похоже на это. Мысли разбегаются, и некоторые выглядят... странными, словно они не принадлежат мне. А кому?.. Кто здесь еще? Клиника, палата номер шесть!

Пытаюсь встать. Получается с трудом. Впрочем, тут же падаю. Ноги дрожат, колени подгибаются, суставы горят огнем. И не только суставы. Болит все тело, будто меня избивали палками. Долго, со знанием дела и садистским удовольствием. Хорошо, что я не вижу, как сейчас выгляжу. Кошмар, наверное.

Я чувствую чье-то присутствие. Оглядываюсь по сторонам, не вижу никого, но ощущение это меньше не становится. Скорее, наоборот. Меня внезапно захлестывает волна темноты, и мир гаснет.

* * *

Вспышка! Зрение возвращается ко мне. Я вроде там же, а вроде и в другом месте, в этом проклятом буреломе черт разберет – никаких ориентиров на километры окрест. Но все же кажется, что я сместился куда-то. Интересно, как? Полз без сознания? Или просто опять ничего не помню? Второй вариант тоже, конечно, не фонтан, но первый – это вообще кромешная жуть. Это даже не лунатизм, а больше похоже на одержимость – как будто кто-то управлял моим телом, пока я был в отключке. Не хочу думать об этом – страшно.

Пытаюсь ползти. Куда – не знаю. Но что-то внутри меня подсказывает направление. Где-то там моя цель – кто-то или что-то, кого или что я пытаюсь найти. По-прежнему не помню, что ищу. Но это важно. Кружится голова, меня тошнит. Хотя последнее – скорее всего от голода. Откуда-то точно знаю, что не ел уже несколько часов. И при себе ни крошки. С водой несколько проще – недавно прошел дождь, и в расщепленном пне, недавно представлявшем собой основание ствола здоровенной ели, скопилась вода. Жажду утолил, но без еды я долго не протяну...

Чувствую приближение кого-то. Живые, причем с разных сторон – спереди и сзади. Спереди – там, куда я, собственно, и стремлюсь, пахнет опасностью. Те, кто приближается оттуда,

несут угрозу. Именно мне. Нельзя, чтобы они меня нашли, особенно беспомощным. Надо подкрепить силы. А вот для этого как раз могут пригодиться другие – те, что идут сзади.

Откуда я это знаю? Вернее, с чего я это взял? Мысль кажется не моей, будто кто-то подумал ее моей головой, если, конечно, можно так выразиться.

Зрение опять мутится, картинка расплывается, словно в не наведенном на резкость фотоаппарате, затем на мгновение гаснет, а когда мне снова «включают свет», происходящее кажется каким-то сюрреалистическим действием. Две косули. Приближаются медленно, осторожно переставляя тонкие ноги среди бурелома. Идут целенаправленно ко мне. Я плохо вижу их, так как зрение по-прежнему мутится, но ощущаю исходящий от них страх, будто я – хищник, находящий жертву не по ее запаху, а по запаху страха, который она испытывает. Две косули – и есть жертвы. Я это понимаю, они это понимают, но продолжают покорно идти на заклатание, как загипнотизированные...

Именно! Именно загипнотизированные! Будто я ими управляю подобно Измененным-животноводам. Во мне поднимается волна протеста: нет, я не хочу! «Тогда сдохнешь!» – холодно отвечает мне мое сознание. Понимаю, что так оно и есть. Страх и отвращение борются во мне с отчаянным, звериным желанием выжить во что бы то ни стало. Я важнее! Ценнее этих двух жалких косуль в десятки раз. Я могу сотворить еще столько полезного, столько спасти, выполнить свою миссию. Люди охотятся на животных, убивают их, едят их мясо, делают из их шкур одежду. Я ведь не из тех, кто предпочитает думать, будто мясо само появляется в магазинах в свежемороженом или парном виде? Нет. Я и сам убивал, причем не только животных. Людей тоже.

«Да, но не *так!*» – возражаю я сам себе.

«У тебя ничего нет, – спорят со мной. – Ни ружья, ни пистолета, ни даже ножа. А *это* есть. Да и какая, к черту, разница, каким способом ты их убьешь?»

Резонно. Трудно спорить. И это мысленное согласие на то, что должно произойти, будто отстраняет мое сознание от действия, заставляет уйти с поля на зрительские места, и я превращаюсь в наблюдателя. Это странное, безумное ощущение – смотреть на то, что делаю я, как бы изнутри своего тела и в то же время со стороны. Иллюзия, конечно, но жутко реалистичная, от которой уж точно пахнет клиником. Но мне как-то резко и вдруг делается все равно.

Косули уже в паре метров от меня, и что-то внутри решает, что достаточно. Тело мое вдруг испускает холодную энергетическую волну, которая накрывает двух несчастных копытных. Они начинают шататься, у них подламываются ноги. Та, что поменьше, видимо, подросток, падает первой, а следом валится и вторая. Жизни в них остается все меньше и меньше, а вот я вдруг ощущаю, что меня наполняет сила. Постепенно отступает боль в суставах и во всем теле, мышцы становятся более упругими, и кажется, даже сильные ссадины и поверхностные раны начинают чесаться, затягиваясь. Сила пьющего жизнь. Откуда она у меня? Никогда не было... вроде. Если, конечно, это не очередной трюк моей разодранной на лоскутки памяти – «тут помню, тут не помню».

Все. Косули мертвы, а я... я почти в порядке, если не считать бардака в голове. Поднимаюсь на ноги. К моему удивлению, это получается у меня без особого труда и даже почти без болевых ощущений. Стараюсь не смотреть на мертвых косуль. Есть я их не буду – мне их даже разделить нечем. Я среди леса, совсем не подготовленный к походу. Огонь развести тоже нечем. Даже трением, потому что вокруг все влажное после дождя.

Но силы у меня уже есть, и я могу идти. Точнее, уходить, прятаться, потому что я еще не в оптимальных кондициях, а враги приближаются, и их много. Что это именно враги, не сомневаюсь несколько. Вернее, не сомневается что-то внутри меня. Я слышу отдаленный гул моторов и стрекот вертолетов в небе, и волна страха накрывает меня с головой. Даже не просто страха – паники. Все мое существо стремится как можно скорее оказаться подальше отсюда, но пока не может, а те, что приближаются, воспринимаются мною как охотники с точки зрения

затравленного матерого волка. Они давно мечтают снять с меня шкуру и повесить ее на стену. Вернее, поймать меня, запереть в клетку и тщательно изучить в своих лабораториях. АПБР!

Эти четыре буквы вызывают у меня смешанные чувства. Только встречаться с теми, кого они обозначают, я совершенно не жажду. Уйти, скрыться! Однако я не только слышу, но и чувствую. Чувствую кое-что помимо приближения увешанных оружием оперативников АПБР. Где-то недалеко моя цель, та, которую я ищу. Да, все-таки «кто» и «она», вспомнил. Только черты лица расплываются. Но *она* тоже где-то там, неподалеку. А значит, нельзя мне уходить и скрываться. Я должен найти *ее*. Нельзя упустить, потому что если *она* уедет далеко, я могу *ее* потерять, а если с *ней* что-нибудь случится... даже думать об этом не хочу. Так что я остаюсь, и точка!

«С ума сошел?! – истерично верещит часть моего сознания. – Жить надоело?!»

«Конечно, нет! – упираюсь рогом я. – Но там *она*, и я не могу отдать *ее* на милость этих...»

«Чокнутый!» – безапелляционно ставит диагноз мой внутренний оппонент, и зрение мое снова туманится.

Дальше я не очень понимаю, что творю и как я это творю. Меня словно опять просят уйти со сцены и пересаживают в зрительный зал. Это бесит безмерно, но сделать я ничего не могу – реальность снова начинает мерцать и через какое-то время меркнет совсем.

* * *

Вспышка! Прихожу в себя, лежа в засаде среди бурелома. Очень грамотно лежа, в хорошо выбранном месте, так что меня трудно увидеть, если не прочесывать местность частым гребнем. Не похоже, что я просто брякнулся здесь в обморок. Это ж какое-то дикое везение должно быть, чтобы так удачно упасть.

Я уже не один. Вывал кишит оперативниками АПБР. Я не знаю, что они хотят здесь найти, но подозреваю, что не найдут. Зато, если будут усердно искать, могут найти меня. А вот уж это будет совсем некстати. Пока они еще далеко от меня, но доберутся, вопрос времени.

Только сейчас главное не это. Главное – что я чувствую *ее*. Причем совсем близко – там, среди них. Чувствую *ее* страх и отчаяние. *Ее* захватили? Угрожают? Во мне поднимается волна гнева. Не позволю! Мое! Не трогать! Однако легко сказать «не позволю». А как? Что я могу? Сил в себе ощущаю не так чтобы очень много. Да и те физические. Способности Измененных? Не помню, какие у меня есть. Хотя... недавно же я их применял – выпил жизнь из двух косуль, предварительно их приманив. Животновод, пьющий жизнь... Чем это тут поможет, против такой-то оравы? Есть ли у меня что-то еще? Не знаю. Вернее, не помню. Может, и есть. Только если я прямо сейчас их не вспомню, толку-то от них? Времени в обрез. Действовать надо немедленно. И...

Что «и», я додумать не успеваю, поскольку чувствую: события уже запущены. Какие? Кем? Когда? Мной? Тогда почему я опять ни черта не помню? Я ощущаю надвигающееся и уже неотвратимое нечто. На мгновение мне делается страшно, но потом чувствую, что губы помимо воли кривятся в жесткой усмешке, и страх вытесняется почти злорадным предвкушением.

А вскоре я уже и вижу это. Вывал буквально захлестывает серая волна. Мохнатые спины, хвосты, морды с прижатыми ушами и оскаленными пастьями. Волки. Сотни, если не тысячи волков. Откуда столько? Неужели это я их призвал? У меня непроизвольно отвисает челюсть. Сейчас уже совсем не страшно – поток серых хищников обтекает меня и устремляется в центр вывала, где апэбээровцы вдруг начинают суетиться интенсивнее. Еще бы, блин, не суетиться – тут сожрут и фамилию не спросят.

– Во-о-олки! – раздается чей-то запоздалый испуганный крик, и начинают греметь выстрелы.

Глава 4

Рита

На выстрелы Танк хоть как-то отреагировал: челюсти его сжались, а глаза потемнели. Он сунул «глушилку» транквилизаторный пистолет.

– Уводи ее к машинам. Глаз не спускай!

– Ты куда? – Дрогнувший голос шатенки выдал ее сильный страх.

– Помогу нашим, – нетерпеливо отозвался оперативник. – Уводи же, ну! – Достал из кармана боевое оружие и скрылся за деревьями.

Рита встретила взглядом с «глушилкой». У той дернулся глаз. Новая неожиданная напасть пугала, конечно, и Риту, однако держалась она явно лучше апэбээровской «лояльной» – все же лесногорская закалка давала о себе знать. Тем временем шатенка нервно мотнула вправо транквилизаторным пистолетом.

– Иди, и без глупостей!

Рита покорно двинулась вперед. Дополнительно нервировать сейчас и без того психующую «глушилку», конечно, не стоило: еще не ровен час дернется палец на спусковом крючке – и получи становой дротик, от которого потом черт знает сколько времени будешь в себя приходить. И хорошо, если очнешься с полным комплектом рук и ног – волки обладают завидным аппетитом, особенно если стая большая.

Рита шла, прислушиваясь к своему организму – полностью ли подавлена ее способность, или нервы «глушки» дают о себе знать? Так, а это еще что? В животе неведомо откуда взялся источник тепла, который стал потихоньку рассылать импульсы по организму. И мало-помалу ее скованная чужим воздействием Сила начала отзываться на эти импульсы. Сила пьющей жизнь. Рита настолько удивилась, что даже замедлила шаг и споткнулась, на что тут же последовала нервная реакция ее конвоиры:

– Эй, я же сказала, без глупостей! Двигай давай!

Рита сжала зубы – ее охватило жгучее желание развернуться и от души врезать шатенке между глаз. Но удержалась – понимала, что просто не успеет: на разворот и удар ей потребуется куда больше времени, чем той на выстрел. И тогда – привет семье.

Рита двинулась дальше, внимательно глядя под ноги, чтобы больше не спотыкаться, и контролируя свою скорость, дабы не спровоцировать ускорением или замедлением натянутую как струна «глушилку». Шла и прислушивалась к разрастающемуся источнику тепла в животе.

«А ведь это ребенок!» – едва не заставила ее сбиться с шага внезапная мысль. Ребенок Артема – дитя сувайвора – пытается преодолеть вредоносное воздействие на мать.

Озарение это тут же показалось бредом – уж очень маленьким был срок. Эмбрион еще даже толком формироваться не начал, какое уж там... А с другой стороны, частичка сувайвора в ней – это может быть очень серьезно. Недаром этот ублюдок Дмитрий сделал такую стойку на ее беременность. Что в принципе она знает о сувайворах? Да ни черта! Эх, надо было в свое время поподробнее расспросить об этом Дмитрия... Если бы он пожелал говорить, конечно, – тот еще жук! Но если кровь сувайвора творит такие чудеса, почему бы и другому его... хм... биологическому материалу не оказывать подобное воздействие?

Тогда пока стоит принять за исходный посыл, что частица погибшего Артема в ней пытается справиться с воздействием «глушки» и, судя по всему, мало-помалу справляется. А значит, надо дождаться, когда это произойдет, и... Шатенку Рите было совершенно не жалко, только вот вряд ли у нее есть при себе антинова. Очень сомнительно, что АПБР снабжает своих «лояльных» вакциной – это ведь ослабление контроля получается. Плохо. Придется искать, где

они оставили машины, и разбираться с охраной... Ага, «разбираться», как же. С «глушилкой» сначала справься, разборщица!

Впереди, между стволами елей, показался просвет. Похоже, именно там оставили машины апэбээровцы. И не без присмотра, можно даже не сомневаться. Стало быть, действовать надо сейчас, пока они с конвоиршей один на один, – когда появятся другие оперативники, будет поздно. Теплота почти уже одолела холод чужого воздействия, сковывающий Ритины способности. Ну же, родимая, давай! Еще чуть-чуть! Ну пожалуйста! Между тем просвет проявлялся все четче – до него оставалось каких-то полтора десятка шагов. Медленная гонка – что за странное выражение! А ведь так и есть! Шагать мерно, ровно, не быстро и не медленно, именно так, как раньше, и молиться, чтобы теплота внутри справилась с воздействием «глушилки» раньше, чем расступятся ели.

До просвета оставалось пять шагов, когда Рита не выдержала – ударила всей Силой, которая на этот момент вырвалась из-под гнета подавляющей способности «глушилки», и одновременно на всякий случай упала ничком. И правильно сделала, так как сзади сухо шелкнул транквилизаторный пистолет – шатенка, уже попав под вампирический удар Риты, все же успела дернуть спуск, но становой дротик разошелся с целью. Рите не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что «глушилка» больше не числится среди живых – способности пьющей жизнь позволяли подобные вещи чувствовать сразу и очень четко.

Она медленно, стараясь не шуметь, поднялась на ноги и обыскала свою мертвую конвоиршу. Ну, что и требовалось доказать – никакой антиновы. Надо идти к машинам. От этой мысли у Риты дрогнули колени. Не напиться она только что жизненной энергией злосчастной «глушилки», пожалуй, снова бы упала. Не хотелось ей идти туда – накатывало какое-то плохое предчувствие, но надо. Без вакцины уходить нельзя, иначе в лучшем случае через пару месяцев она будет корчиться в жутких муках и почти наверняка умрет: ломка «лояльных» в разы хуже обычной наркоманской – нет шансов перетерпеть, с течением времени становится только хуже.

Первый шаг в сторону просвета она делала с диким трудом – словно пробивалась через внезапно загустевший воздух. Второй и третий были такими же, а дальше пошло полегче – в конце концов, жребий брошен, а Рубикон и пылающие мосты позади прилагались в комплекте.

Осторожно выглянуть из-за елей. Вон они, внедорожники, остановились на всякий случай в паре десятков метров от зоны вывала – мало ли что. Только не видно движения. Неужели все же рискнули оставить машины без охраны, понадеявшись на местное безлюдье? Ох, вряд ли. Тогда где же тот (или те), кого тут оставили? Сидят в засаде с того момента, как слышались выстрелы? Возможно. А ей в таком случае что делать? Тоже сидеть в засаде до опупения? Этак она дожидается либо оперативников, отбившихся от волков, либо волков, сожравших оперативников. Оба варианта ничего хорошего Рите не сулили.

И все же она сделала шаг из-под прикрытия деревьев. Второй шаг, третий... никакого грозного окрика, выстрела или тихого щелчка транквилизаторного пистолета, сопровождающего болью от тесного контакта со становым дротиком. Почему-то это «отсутствие всякого присутствия» пугало Риту больше, чем если бы случилось что-то из вышеперечисленного.

А затем ее взгляд запнулся о первую странность – открытую дверцу одной из машин. Если оставляешь машины без присмотра, не закрывать их – идиотизм, а если с присмотром, но сидишь в засаде, тоже не слишком умно – дверца насторожит неведомого неприятеля. Оставался единственный вариант – с тем, кто остался с машинами, что-то случилось...

Каждый новый Ритин шаг был все равно что по минному полю. Вернулся тот, лесногорский страх, когда они с Артемом ходили по городу, кишачему зачумленными. Взгляд ее буквально впивался в приоткрытую машину, пытаясь высмотреть сокрытое – либо труп, либо угрозу, либо то и другое вместе. Снова сбой на полушаге – из-за переднего бампера что-то высывалось. Что-то серое. А рядом темное. Лужа чего-то темного. К горлу девушки подступил комок, а в голове принялся шуршать и завывать вихрь паники, выгоняя оттуда все полез-

ные мысли, вроде той, например, что машину можно на всякий случай окатить волной ее вампирической Силы, чтобы тот, кто там засел, там бы и остался. Насовсем.

Вместо этого был сделан еще один шаг, и взгляду открылось несколько больше. Чуть больше серого... мохнатого, а рядом темное, жидкое. Труп волка и кровь. Значит, и сюда они уже добрались? Тогда понятно, что с охранником. Только где он? Или его мертвое тело? А в багряном тумане страха, окутывающем ее сознание, колотилась еще одна ассоциативная цепочка: «Открытая машина – труп – вакцина – это шанс!»

Еще шаг, еще... Движение впереди. Настолько неожиданное, что Рита зажала себе рот, чтобы не вскрикнуть, – чья-то рука вдруг безвольно свесилась из дверцы, и с нее начала капать кровь. А парой секунд позже из дверцы высунулась окровавленная морда волка. Верхняя губа зверя приподнялась, обнажая клыки в жутком оскале. Замешательство Риты длилось всего мгновение, а потом она вспомнила, кем является, и свалила хищника вампирическим импульсом своей Силы. Огляделась – и очень вовремя, так как из-за машины вынырнул еще один зверь, но прыгнуть на нее не успел – смертельный энергетический удар пьющей жизнь опередил его.

– Да сколько ж вас здесь? – сквозь зубы процедила Рита.

Но больше никто не появился. Передернув плечами, девушка уже более спокойно подошла к машине – живых там точно больше не было. Сунулась внутрь и тут же отпрянула, отвернулась и зажала рот рукой, сдерживая внезапный и острый приступ тошноты. Водителем уже начали обедать, о чем свидетельствовали выгрызенное горло и живот, торчащие там и тут мясо, кости, внутренности. Рука, свесившаяся из дверцы, естественно, двинулась не сама по себе – она была почти отгрызена в районе плечевого сустава. Салон машины весь пропитался запахом крови, от которого Риту выворачивало наизнанку. Странно. В Лесногорске у нее с этим было как-то проще. Неужели эта маленькая частичка Артема внутри нее так влияет на ее восприятие? Рано вроде бы пока для специфических реакций на вкусы и запахи в связи с беременностью. Хотя... кто его знает, ребенка сувайвора. Да и «лояльная» пьющая жизнь – тоже не самый типичный пример беременной женщины. В их странном союзе все может пойти наперекосяк, и многие правила, железобетонно справедливые для людей, в ее случае могут либо не действовать, либо действовать совсем иначе. И потом этот сносящий крышу сдвиг времени. На пару дней провалиться в аномалию, а вынырнуть обратно через год... Рехнуться можно! Впрочем, этот вопрос пока терпит. В отличие от вакцины.

Так что тело все-таки надо обыскать. Пусть ее вырвет при этом, и не раз, но вакцина того стоит. Рита подошла к машине снова и тщательно, стараясь не извозиться в крови и по возможности не смотреть на изуродованное тело водителя, на ощупь стала обшаривать карманы его крутки. К счастью, поиски не затянулись – в нагрудном кармане ее пальцы нащупали небольшую коробочку как раз подходящего размера. Вытащив ее оттуда, она пулей вылетела из машины и какое-то время не могла продышаться – так мерзко ей было.

Увлеченная собственным далеко не блестящим состоянием, движение она заметила слишком поздно и среагировать уже не успела. Сухой щелчок и острая боль в шее. Ноги подломились, и Рита упала на бок, каким-то образом ухитрившись не раздавить коробочку с ампулами. Осторожные приближающиеся шаги, чья-то тень на ней, полный ненависти голос Танка: «Вот же ты тварь!», и мрак, затопивший ее сознание.

Глава 5

Дмитрий

Сумрак и тени. Много теней. Вроде и человеческих, а вроде и не очень. Уродливые, сгорбленные, шатающиеся. Впереди какие-то строения. Жилые дома и промзона рядом, через улицу. Небольшой городок. Живой... пока еще. Кое-где горят огни, но мало. И тени людей двигаются вперед, туда, где жизнь. Они голодны, вечно голодны. У них не так много остается времени, чтобы нажраться до отвала, вкусить человеческой крови... и умереть.

Дмитрию не надо видеть их лица, чтобы узнать, как они выглядят. Бледные как смерть, с красными запавшими глазами, окруженными черно-багровыми синяками. И желтые ногти. Дмитрий ловит себя на том, что улыбается. И это не то чтобы душевная потребность – уголки рта самопроизвольно ползут вверх, будто тело помнит нормальные человеческие реакции и повторяет их бездумно, на автомате. Потому что когда человеку хорошо, или он удовлетворен тем, что происходит, или плохо его недругу, он должен улыбаться. И это абсолютно нормально, ибо так задумано его биологической природой.

Дмитрию должно быть сейчас хорошо. Свершается столь долго лелеемое им возмездие. Справедливое возмездие над теми, кто ради своих корыстных целей, властных амбиций и научного любопытства изуродовал его, превратил его жизнь в ад, сделал из него раба, вынужденного служить тем, кого ненавидит, в обмен на регулярные инъекции антиновы. Теперь они узнают, да, узнают, что такое жить в аду. Потому что сами в нем окажутся, но ненадолго. Прежде чем умереть.

Дмитрий улыбается: ковыляющие фигуры приближаются к строениям. Скоро-скоро оттуда послышатся крики ужаса и выстрелы – музыка для его ушей. Пусть зачумленные делают всю грязную работу, пусть. Он не тщеславен и совершенно чужд позерства. Ему не обязательно смотреть в глаза своим врагам, когда они будут умирать. Не обязательно даже, чтобы они знали, за что и от чьей руки умирают. Это все из пошлой беллетристики и низкопробного кино – из той же оперы, что и пафосные речи мстителя. Нет, ему достаточно будет плюнуть на их трупы и забрать из хранилищ все запасы антиновы.

А еще... Где-то там, далеко, Источник. Такой же полупробужденный, как... И тоже во власти АПБР. Его еще нужно будет пробудить. И пробудить по правильному протоколу, с нужным программным кодом. Зачем? Нужно – и все. А потом и остальные... И смести этого питерского ренегата. Утопить в крови его Измененных, раздавить Посвященного, разрушить сам Источник, чтобы эта зараза больше никуда не распространилась.

На Дмитрия накатывают изумление и страх – он не понимает, откуда берутся эти мысли. Ему не нужен еще один Источник, не нужно тащиться за тридевять земель в Питер, кого-то там уничтожать. Зараза распространится... Единственную заразу, которая есть, он везет с собой. Это его персональное оружие, инструмент его мести. Он не собирается распространять эпидемию дальше. Когда свершится то, что он затеял, все хвосты будут зачищены. К чему устраивать апокалипсис? Он что, чокнутый? Нет, строго план, и все.

Да, конечно, план, а потом...

Никаких потом! Потом он будет жить, просто жить, сколько позволят запасы антиновы.

Жалкие подачки отживших... И ему этого хватит? Он этим удовлетворится? И эта тоска – после таких-то свершений, киснуть где-то в провинции обывателем! Да, именно киснуть, хорошее слово. У него богатый словарный запас. Можно, правда, еще расширить. И цели расширить – слишком уж они мелкие. Такие цели – для отживших, а не для новой формы жизни, которая приходит им на смену. Новая форма жизни и мыслить должна по-новому, более масштабно, глубоко, заглядывать дальше вперед, просчитывать ходы. Неужели он этого не пони-

мает? Да нет, понимает, конечно же, просто пока еще не осознает. Все постепенно, поэтапно, от цели к цели, чтобы разум справился с ростом объемов информации, свыкся с новыми темами для размышлений, примерил на себя новые цели, осознал их важность. Он справится, пусть не сразу, а попозже, хотя особенно медлить не стоит. Питерский Источник и его Посвященный...

Так, стоп! Никакого Питера пока! Он и слышать об этом не желает. Красноярск, месть, антинова, понятно?! Понятно, как не понять. Но потом...

Дмитрия охватывает волна бешенства, раскаленной добела ярости, какую он позволяет себе очень нечасто, сознавая, что у него, «лояльного»-сыщика, не имеющего никаких боевых способностей, единственный козырь – холодный разум. Его изощренный, совершенный разум, который может такое, что и не снилось не то что всяким там пневматикам и кинетикам, но даже и паукам – региональным лидерам «Нового мирового порядка». НМП потому и в загоне, потому их и травят, словно диких зверей, что мозгов не хватает. Террористы... Иногда головой надо думать, а не жечь и взрывать.

Кстати, а НМП – это мысль! Надо будет с ними связаться. Потом, когда он...

Нет! Никаких потом! У него есть цель, к ней и нужно идти, а все эти бредовые фантазии забыть.

Пока что можно и забыть, но...

«Но» оформиться не успевает, поскольку впереди, в сгущающейся темноте, начинают трещать одиночные выстрелы, автоматные очереди, взрывы гранат и крики. Дмитрий снова начинает улыбаться. Правильно, вот так, вот так. Умирайте, отжившие, умирайте! Заливайте своей кровью пожар в его груди!

И тут же он ощущает толчок в груди. Изнутри. Неприятный, тревожный и даже болезненный. Что происходит? Реальность начинает расплываться перед ним на лоскуты. Чудесная, пленительная реальность штурма зачумленными объекта АПБР превращается в тонкие полоски, как бумага в шредере. А полоски в квадратики, в мелкую крошку. Картина рассыпается, будто и не было ее. Из груди Дмитрия рвется яростный, возмущенный крик, но раньше наступает пробуждение.

* * *

Где-то по дороге из Иркутска в Красноярск

Он не стал открывать глаза. Попытался сначала так почувствовать окружающую действительность, отбросив накотившее жуткое разочарование, что рассыпавшаяся только что сцена была лишь сном. О снах не стоит думать, они не несут ничего, кроме отражений собственных мечтаний и тревог. Сны не могут спасти или убить. Реальность вот может. Так что там с ней?

Тревожно, но не опасно. «Лояльный» совершенно четко ощущал на себе полный ненависти взгляд своей спутницы. Ну что за коктейль эмоций, в самом деле? Пожалуй, на такое способны только женщины – ненависть, страх и одновременно боязнь потерять.

Они остановили машину на обочине трассы в лесу. Дмитрию надо было отдохнуть – слишком много всего накопилось в голове с того момента, как он с напарницей прибыл в Иркутск расследовать странное дело с Измененными. Потом было столько всего. Казалось, целая жизнь, спрессованная в считанные дни, – преследование, Лесногорск, пространственная аномалия, безумные приключения внутри нее, прорыв наружу, катаклизм, добрый самаритянин, которого убила чума и машиной которого они завладели... Тут любой устанет, будь он хоть трижды Измененным.

В считанные дни... Они с Кейт чуть с ума не сошли, когда увидели дату на навигаторе. Вернее, чуть с ума не сошла Кейт, а Дмитрий просто сильно удивился. У аномалий бывают разные свойства, далеко не все из которых изучены, а у пространственных – особенно. К тому же тут еще и аномалия экстраординарная – громадных размеров, созданная очень необычным

Источником и провалившая целый город на какой-то особый слой реальности. Стоит ли удивляться, что при коллапсе аномалии произошел такой временной сдвиг? Пожалуй, нет. Лесногорск исчез с карты Земли, и такое не могло пройти незамеченным. Наверняка его искали многие: и те, у кого там остались родственники или друзья, и АПБР. Но с момента полной изоляции внутри аномалии было уже не попасть. Может, так и замыслил Источник – чтобы за год схлынуло напряжение в окрестностях пропавшего города, чтобы его все перестали искать... И вот тогда из него должна была хлынуть чума...

План этот удался лишь отчасти, но Дмитрий его скорректирует, доведет до ума и реализует в той части, что выгодна ему. И даже хорошо, что прошел этот год: может, в красноярском АПБР уже забыли о своем сыщике, списали его в потери. Спутница его, конечно, расстраивается: ее близкие тоже наверняка похоронили, только ей-то в любом случае путь к ним заказан...

Кейт... Бесплезная, капризная дрянь! Даже водить не умеет, никакого от нее толку. Пока никакого... Ну а раз Дмитрий – бессменный водитель, пришлось остановиться для отдыха. И вот теперь она смотрит. Смотрит неотрывным взглядом на его шею. Смешно, честное слово! Но на этот раз Дмитрий не позволил дернуться вверх уголкам своего рта. Только произнес, не открывая глаз:

– В «бардачке». Под документами на машину и футляром с солнечными очками.

– Что? – ошеломленно переспросила Кейт.

– То, что ты ищешь. – Глаза «лояльный» по-прежнему не открывал и даже не подумал сменить позу. – Нож перочинный, многолезвийный. Так, игрушка в принципе, но перерезать открытое горло хватит. Резко, поперек, прямо под кадыком.

– Что?!

– Забодала чтокать! – хмуро произнес он, открыл глаза и сел. – Или делай, или не сверли меня глазами – раздражает.

«Лояльный» открыл «бардачок», залез туда, достал перочинный нож и, не раскрывая, протянул ей.

– Бери, ну!

– Зачем?

– Сделаешь что хотела.

– Я не хотела!

– Врешь. Очень даже хотела. Только боялась больше. Или, может, мозг включила наконец. – Он положил нож на приборную панель. – А представь только, как просто – чик, и я уже на небесах. А ты ловишь попутку, и в Иркутск – обнять мамочку. То-то ей сюрприз будет – прямо-таки возвращение с того света! А потом – три дня.

– Что три дня?

– Опять ты со своим «что»! – вздохнул «лояльный». – Самой не надоело? Три дня – это время, за которое Иркутск превратится в зомбиленд вроде Лесногорска, только круче, масштабнее. По улицам будут бродить сотни тысяч красноглазых буйных психов, алчущих крови незараженных. Четыре дня – и полыхнет по всей области, да и в соседних регионах тоже – Улан-Удэ, Чита, Красноярск, – везде, куда ходят автобусы и поезда от вас. Чуть позже – места более отдаленные, куда от вас летают самолеты, Москва, например. А дальше заграница. И это не остановить никакими кордонами и карантинами – тут тебе не затерянный в тайге Лесногорск, а региональный центр человеческой цивилизации.

Последние слова Дмитрий произнес вроде бы невозмутимо, но сарказма в его словах не услышал бы только глухой.

– Здорово, правда? – продолжил «лояльный» совершенно серьезным тоном, без намека на улыбку ни на губах, ни в глазах. – Только прикинь, в твоей власти запустить конец света по сценарию «Обители зла» или чего-то в этом роде. И почти никаких усилий – знай перемещайся

в пространстве и контактируй с людьми. А у самой все будет идти очень медленно, так что вполне успеешь запастись попкорном и насладиться апокалипсисом.

У Кейт дрогнули губы, увлажнились глаза, но заплакать она себе не позволила, только резко отвернулась и процедила сквозь зубы:

– Ну и сволочь же ты!

– Скажи мне что-нибудь, чего я еще не знаю.

Излив яд, выделившийся по поводу прерванного сна, Дмитрий стремительно терял интерес к разговору. Он даже зевнул. Ладно, сколько поспал, столько поспал. Надо было ехать дальше.

– Зачем ты вытащил меня? – вдруг спросила Кейт.

– В смысле?

– Оттуда, из аномалии. Ты обещал вытащить Риту, у тебя была сделка с тем парнем, Артемом, но насчет меня уговора не было.

– Ну а я, как сволочь, должен был тебя оставить там?

– А вот теперь ты дурачка включаешь, – устало произнесла Кейт. – Только не надо мне говорить, что *по ту сторону* ты еще не знал насчет этого! – Она резким движением продемонстрировала ему свои ярко-желтые ногти.

«Лояльный» глянул на спутницу с неким подобием ленивого интереса.

– А сама что же не заметила *по ту сторону*?

Казалось, от этого простого вопроса Кейт слегка растерялась.

– Да я вся на нервах была, о Вике думала, и вообще...

– Угу, тебе, стало быть, позволительно чего-то не заметить, а мне нет?

Огонь в ее глазах как-то резко и вдруг угас.

– Отпираться будешь, да?

Дмитрий пожал плечами.

– Не хочешь – не верь, дело твое. Мне, знаешь ли, тоже было о чем подумать и по ту сторону, и по эту. Скажу только, что в момент нашей первой встречи, когда я взял вас с Ритой с собой к границе аномалии, твои ногти желтыми еще не были.

Кейт махнула рукой.

– Хватит. Не хочу больше об этом говорить. Ты ведь все равно не признаешься...

– Было бы в чем, – буркнул «лояльный». – Ладно, поехали. Где мы там, глянь.

Кейт включила навигатор и дождалась соединения со спутниками.

– Зима близко.

Несколько секунд он непонимающе смотрел на нее, затем на экран навигатора, где отображался действительно недалекий городок под названием Зима, и расхохотался. Еще пара секунд заполненной недоумением паузы – и хохотать стали уже хором, давая выход накопившемуся нервному напряжению.

Глава 6

Выживший

Окрестности Лесногорска

Я не хотел этого, правда. И не представляю, как все получилось. Несколько сотен волков, кровавая бойня на вывале... Безумие какое-то! Я не призывал этих хищников, по крайней мере осознанно, и не натравливал их на оперативников АПБР. Но кто-то же призвал! И почему-то же меня они не тронули. Если первый факт можно объяснить присутствием поблизости Измененного-животновода, то со вторым все сложнее: с чего бы озверевшей волчьей орде, убивающей всех подряд, обходить своим вниманием какого-то человека, если, конечно, не он ее призвал?

Но я этого не помню и понятия не имею, как мне это удалось. А главное – зачем. Да, я не очень радовался присутствию здесь всех этих апэбээровцев, они мешали мне добраться до моей цели и даже, кажется, угрожали ей. Но я не хотел их убивать. А волков вызвал тот, кто хотел. Тот, кто паниковал и сначала настаивал на бегстве. Тот, кто умел призывать волков. Кто?!

Мне начинает казаться, что я схожу с ума. Впрочем, в первый раз, что ли? Я проходил через всякое. Как в Муромской и Владимирской Зонах, так и в Лесногорске. И ничего, не рехнулся пока. Правда, по словам опытных сталкеров, подобный эффект накапливается, а ментальная стойкость конечна. Рано или поздно на спину верблюда падает та самая соломинка, и – крак! Здравствуй, желтый дом!

Так, стоп! Что за внезапные воспоминания прорвались сквозь туман, в котором плавают мое сознание? Постепенная самоидентификация, как у Борна? Только у меня хуже – еще и что-то постороннее лезет, чужое. Не понимаю, откуда это. Словно во мне поселился кто-то еще... Все это сильно пахнет раздвоением личности. Я прошел через лесногорский ад и выбрался живым. Но как насчет моей психики? Она-то живая, или все уже, сливай воду? И что тогда вокруг реально, а что – плод моего больного воображения?

Осторожно иду через вывал, стараюсь обходить многочисленные трупы людей и зверей и не вляпываться в лужи крови. Апэбээровцы взяли с собой нескольких «лояльных» с боевыми способностями, но их это не спасло, как и оружие. Полтора десятка человек против нескольких сотен волков, настроенных убивать, причем не для еды, а просто так, – какие тут могут быть вопросы? За одного убитого человека звери платили десятикратную цену, но все равно взяли верх. И спокойно разбежались, лишь слегка обглодав мертвые тела.

«Интересно, хоть кто-то спасся? – немного отстраненно думаю я. Но следующая мысль действует словно хук в голову: – А она?! С ней-то что?! Если ее загрызли волки, я...»

Закончить не могу, ибо не знаю, что «я»... Мне нечего делать в таком случае, некому мстить, разве что себя прикончить на месте. Кстати, оружие! Мысль о нем становится еще одним хуком в голову. В Лесногорске среди агрессивных зачумленных и мутантов, вроде того уроды со щупальцами, пистолет и даже автомат с гранатами казались естественными и сами собой разумеющимися принадлежностями, предметами первой необходимости даже. Но здесь-то, в обычном мире... Впрочем, насколько он обычен – еще большой вопрос, но в нем по-прежнему считается криминалом ношение личного оружия, и попадись я даже с пистолетом – у меня будут большие проблемы...

О последнем я думаю, уже обшаривая карманы разгрузки одного из мертвых оперативников и очищая их от запасных обойм к пистолету, уже перекочевавшему в мой карман. Тянет и к чему-то более серьезному вроде автомата в руках вон того высокого брюнета с разорван-

ным горлом, но я себя останавливаю: автомат в карман не сунешь, а мне еще возвращаться к цивилизации, к людям, потому что *она* там, *она* жива, я чувствую. Найду *ее* во что бы то ни стало, только для этого мне нужно будет не попасть в тюрьму. К тому же я и без оружия кое-чего стою, только мне нужно навести порядок в собственной голове.

Вовремя вспоминаю об одежде и деньгах. Первая на мне выглядит хуже лохмотьев средневекового нищего, а вторых нет совсем. Кривлюсь: похоже, придется заниматься мародерством. Впрочем, теперь-то какая разница, как этим мертвым бедолагам, так и мне? Правда, на душе, конечно, погано: как ни крути, ведь это я их убил, пусть не собственными руками, а клыками зверей, но все равно, а теперь еще и грабить буду. Только в Зоне это закон выживания: что нашел, то твое, покойникам имущество не нужно, а тебе пригодится. Да, здесь не Зона, но с выживанием все не менее сложно: вот эти ребята, что лежат тут погрызенные, не дадут соврать.

Через некоторое время обзавожусь более-менее подходящей одеждой, не уляпанной кровью и не порванной волчьими клыками, рюкзаком, а также небольшой суммой наличными – на первое время хватит. Кроме того, на всякий случай прихватываю несколько ампул антиновы. Почему-то у меня ощущение, что вакцина мне может понадобится.

Наконец все. Покидаю место кошмарной бойни и двигаюсь в ту сторону, где предположительно находится дорога на Иркутск.

* * *

Где-то по дороге из Лесногорска в Иркутск

Внедорожники АПБР, конечно, не самый лучший для меня транспорт, потому что их скоро, наверное, объявят в розыск. Но выбирать мне не из чего, а времени терять нельзя. Я не знаю, каким образом я ухитрюсь чувствовать *ее*, свою цель, но факт в том, что чувствую: *она* удаляется, и с довольно большой скоростью. Видимо, тоже на машине. Помимо того, что я боюсь *ее* упустить, сам этот факт тоже тревожит: память подсказывает мне, что *она* не водит автомобиль, а значит, *ее* везут. И если вспомнить последнее, что я чувствовал относительно *нее*, везут, очевидно, против *ее* воли. Значит, кто-то из апэбээровцев выжил и сумел сбежать, прихватив пленницу. Нет, за *ее* спасение ему, конечно, спасибо, но я твердо намерен их разлучить – *она* нужна мне. Очень. Я еще сам не понимаю почему, но чувствую эту насущную необходимость, которая граничит с жадой.

Боже, как мне надоело называть *ее* «она»! Почему я никак не могу вспомнить *ее* имя? Ее? А свое? Меня внезапно охватывает леденящий ужас – я только сейчас соображаю, что не помню своего имени. На мое счастье, дорога пуста, так что вильнувший «Патриот» ни во что не врежется. Меня трясет, и я тороплюсь съехать на обочину там, где ели не так плотно подступают к дороге. Останавливаюсь, утыкаюсь лицом в руль. Плечи дрожат, по спине пробегает волна сильного озноба, сверху вниз, потом снизу вверх – ей, похоже, нравится моя спина. Виски начинает не по-детски ломить, боль из них распространяется на затылок и лоб, голову словно сжимает стальной обруч, а к горлу вдруг подступает тошнота. Едва успеваю вывалиться из машины и упасть коленями в траву, когда меня выворачивает наизнанку. И нечем вроде бы – я не ел уже черт знает сколько времени, но я все равно содрогаюсь в мучительных спазмах. Как же мне плохо!

«Это еще цветочки!»

«Что?! Кто это?»

«Я».

«Кто «я»?»

«Часть тебя. И одновременно нет».

«Я схожу с ума?»

«Постепенно. И не только с ума. Разваливаешься. Долго ты не выдержишь. Мы не выдержим. Одно тело на двоих, таких, как мы, – это слишком мало».

«На двоих?!»

«Иначе нам бы оттуда ни за что не вырваться. Но теперь надо разделиться, иначе мы погибнем оба. Потеря памяти, распад личности, распад плоти – самые ближайшие перспективы. У нас мало времени».

«Что делать?»

«Найти мне тело. И как можно быстрее».

«А как же *она*?»

«Если ты превратишься в пускающего слюни идиота или умрешь где-нибудь в канаве от интенсивного внутреннего кровотечения, *ей* это никак не поможет».

«Но что значит «найти тебе тело»? Любое? Просто взять и поймать первого встречного?.. Что ты молчишь? Эй! Эй, ты здесь?»

Отвечает мне снова мерцание реальности, туман в глазах и, наконец, полный мрак.

Интерлюдия 1

Посвященный

Санкт-Петербургская Зона

Впервые Посвященный не знал, что делать. К такому он не был готов. Безумный Источник со сбившейся программой. Сеятель-убийца, на которого уже ничто не подействует. Его можно только уничтожить, или он уничтожит все. Но как эгрегор Сеятелей отреагирует на уничтожение своего? Да, этот «свой» готов распространять безумие, как заразную болезнь, по эгрегору, он невероятно опасен, однако он – Сеятель. Сеятель, породивший смертоносную чуму и устроивший локальный апокалипсис в отдельно взятом маленьком сибирском городке. Сеятель, почти уничтоженный, но сумевший вырваться из коллапсировавшей пространственно-временной аномалии, им же самим и созданной. Вырваться в нематериальной форме. И не один. Вырвался кто-то еще, тоже очень опасный. Планы этих двоих не поддаются прогнозированию – один странный, другой безумец, их не просчитаешь ни разумом человека, ни разумом нормального Сеятеля.

Еще, можно сказать, повезло, что эти события отложились на целый год: вырвались эти двое на оперативный простор во время войны с Сидом-Пауком, бороться с ними было бы попросту некому. А сейчас есть. Вроде...

Остановить обоих... Как? Посвященный не может оставить свой пост в Питере, рядом с Источником... Или все-таки может? Установить жесткую ментальную связь и рискнуть? Его армия Измененных не так велика – Сид-Паук постарался во время прошлогодней войны. Их одних отправлять нельзя – безумный Сеятель перехватит контроль, и тогда уже точно конец всему. Посвященный должен идти только сам и только будучи тесно связанным со своим Источником. Эх, как жаль, что все сувайворы погибли! Они могли бы помочь, но что теперь толку жалеть об этом? Значит, все придется делать самому. Вспомнить, что это такое – быть человеком действия, каким он был раньше, до того как Олег Катаев, последний сувайвор, стал Посвященным.

Обычно для связи с Источником ему не требовался физический контакт. Но сейчас он просто необходим. Посвященный задумал беспрецедентное в связи с беспрецедентным, а потому все правила, до сих пор считавшиеся незыблемыми, стоит переосмыслить. Обломок пульсировал холодным зеленоватым свечением. Посвященный приблизился к нему с ножом в руке, провел лезвием по ладони и прижал ее, окровавленную, к шершавому боку Источника, устанавливая через свою кровь, кровь сувайвора, самую прочную связь между ними. Неразрывную. Это было опасно и, что самое главное, необратимо. Если что-то случится с Источником, Посвященному придется очень плохо – в попытках спастись Обломок Сеятелей может высосать из него всю жизненную энергию. А сейчас, отправляясь на восток вместе с большинством оставшихся Измененных, Посвященный оставляет Источник почти без прикрытия. Правда, тот, конечно, в состоянии за себя постоять, но... кто может знать, как все повернется?

Через тело Посвященного прокатились волны жара и холода, а рука словно прилипла к Обломку. Электрические разряды принялись колоть раненую ладонь, охватили кисть, стали подниматься выше, захватили локоть, предплечье... Покалывание постепенно превращалось в довольно сильную боль, и вскоре ему пришлось сжать зубы, чтобы не кричать. Минута – и все его тело превратилось в средоточие боли. В голове царил форменный хаос из образов, часть которых была порождена его памятью, а часть казалась настолько странной и чуждой, что не было сомнений – она исходила от эгрегора Сеятелей. Сжатые зубы уже не помогали, Посвященный до крови прокусил губу, и все равно прорывалось глухое рычание.

Му́ка закончилась внезапно и резко. Вот только что реальность представляла собой филиал преисподней, и вдруг полное ничего – ни звуков, ни боли, ни мыслей, ни каких-либо иных ощущений. Посвященный упал, но даже не почувствовал удара о пол, словно у него разом атрофировались все нервные окончания. А затем сознание тоже погасло, и он провалился в безбрежную тьму.

Глава 7

Рита

Где-то по дороге из Иркутска в Красноярск

Рита тяжело приходила в себя, но не спешила открывать глаза, потому что не ждала от окружающей действительности ничего хорошего. Гудел мотор. Тело, плотно пристегнутое к автомобильному креслу, затекло и болело, голова же просто раскалывалась, а потянувшись к своей Силе, девушка предсказуемо ее не обнаружила. Стан, будь он трижды неладен! И теплота в животе на сей раз что-то не разгоралась. Возможно, против стана ее нерожденное дитя было бессильно.

– Не дергайся! – послышался холодный голос Танка. – Часа два еще действовать будет. А потом я вколю снова.

– Не надо! – вырвалось у нее, и глаза сами распахнулись.

Под колеса машины стремительно убегала серая лента дороги, тесно зажатой в колючих объятиях елового леса.

– Если ты думаешь, что после всего я тебе поверю, то ты полная дура.

– Я не убивала водителя! Это волки.

– А Светку тоже волки?

Сообразив, что Танк имеет в виду «глушилку», Рита замолчала. Крыть было нечем.

– Вот то-то же, вампирша хренова! Я не буду спрашивать, зачем ты ее убила, – и так понятно. Мне интересно другое: как? Она же подавила твою Силу!

Да уж, вопросик. А как тут ответишь? Она же сама ничего толком не знает, лишь догадывается, да и догадки эти – не для ушей оперативника АПБР. Поколебавшись, она все же решила сказать часть правды. При всех тухлых картах, что были у нее на руках, из этой почти не лжи можно было извлечь хоть какую-то выгоду с пусть невнятной, но перспективой.

– Я беременна, – осторожно произнесла Рита. – Не знаю, возможно, в этом причина. У меня стаж *изменения* – всего ничего, и знаю я о нем куда меньше вашего. О механизмах действия Силы тоже. Может, какие-то гормональные изменения... Из-за них воздействие вашей... коллеги могло вдруг стать неэффективным.

– Бред! – отмахнулся Танк, не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги. – Такого быть не может!

– Вам часто попадались беременные «лояльные»? Если до сих пор такого не случилось, это еще не значит...

– Заткнись! – В голосе Танка впервые проскочили нотки раздражения, хотя лицо его по-прежнему оставалось каменным. – Мне надо подумать.

– Послушай, я не могла отдать себя в руки ваших живодеров, понимаешь? – Рите надоело «выкаты» с оперативником, который так с ней разговаривал и, без сомнения, ненавидел. – Не могла позволить, чтобы меня разбирали на биологические запчасти и ставили на мне опыты теперь, когда ребенок... А твоя коллега очень нервничала, и если б я не ударила в полную силу, она пальнула бы дротиком, и...

– Я сказал, заткнись! – это он уже почти прорычал.

Дополнительно злить и без того раздраженного верзилу, которому тебе нечего противопоставить, – не самая лучшая тактика, так что Рита замолчала.

– Кто отец? – вдруг бросил Танк после основательной паузы. – Ну, чего молчишь?

– Ты же сказал заткнуться, – неожиданно даже для самой себя огрызнулась Рита, успевшая уже погрузиться в свои невеселые размышления.

– Обычно я женщин не бью, – доверительно сообщил Танк, даже не повернув головы в ее сторону, – но для тебя сделаю исключение, хочешь?

– Нет, – буркнула она.

– Тогда отвечай на вопрос!

– Какая тебе разница? Человек. Обычный. Вашей конторе он неизвестен.

– Точно обычный? – прищурился оперативник. – Впрочем, это мы выясним, когда найдем его. Имя, фамилия?

– Не найдете, – помрачнела Рита. – Он погиб в Лесногорске, когда схлопнулась аномалия.

– О как! А ты почему выбралась?

– Он отослал меня с этими... с «лояльным» Дмитрием и Кейт. Дмитрий сказал, что знает, как нас вытащить, но для этого надо было законсервировать Ис... Обломок.

– А твой парень, стало быть, решил, что сможет это сделать? С чего бы? Он супермен какой-то, что ли?

– Дмитрий сказал ему, где находятся станковые заряды, заложенные там АПБР для страховки.

Танк какое-то время молча и сосредоточенно вел машину.

– Если законсервировать Обломок, созданная им аномалия ликвидируется практически мгновенно, ты в курсе?

– Нет, откуда?

– Интересно, был ли в курсе твой приятель, что шансов выбраться живым у него не было в любом случае и что стоит ему приблизиться к Обломку, как излучение запустит процесс *изменения*... Это если ты не врешь, конечно.

– Зачем тогда спрашивать, если все равно ничему не верить? – устало отозвалась Рита.

– Да просто в твоей истории концы с концами не сходятся. Или ты не все знаешь, или не все мне говоришь. Причем во второе мне верится гораздо больше. А вот нравится оно мне намного меньше.

– У него стойкость, – недолго поколебавшись, все же решилась Рита. – Не знаю откуда. И к излучению, и к чуме... То есть была стойкость.

Впервые за все время она увидела, как Танк вздрогнул и присвистнул.

– Твою ж налево! – Он даже повернулся к ней. – Поздравляю, девочка, тебя угораздило залететь от сувайвора!

* * *

– Куда мы едем? – не выдержала Рита. Полчаса молчания, в течение которых Танк, по-видимому, переваривал новую информацию, показались ей форменной пыткой.

– В Красноярск, – хмуро отозвался оперативник. – В АПБР. Рванула исчезнувшая год назад аномалия, мы понесли охренительные потери, по стране шатаются без намордника записанный нами в покойники чокнутый «лояльный» с уровнем интеллекта как у Эйнштейна и переносчица страшного вируса. Со всем этим надо разбираться, тебе так не кажется? Ты единственная, кто хоть что-то знает обо всем этом дерьме, плюс в тебе ребенок сувайвора – возможная причина того, что тебе удалось сбросить воздействие Светки. Тебя надо как следует изучить. Возможно, в тебе ключ к борьбе с этой чумой...

– Препарировать будете? – Лицо Риты покрылось бледностью.

– Понадобится – будем! – отрубил Танк. – Но думаю, до этого не дойдет. Хотя я не научник, конечно, и понятия не имею, какие им там могут понадобиться тесты.

На какое-то время воцарилась тишина. Теперь уже Рите требовалось время на то, чтобы осмыслить свои невеселые перспективы. А Танк, похоже, вообще за последнее время мно-

гократно превысил свой обычный разговорный лимит. Так что первой снова не выдержала «лояльная»:

– Как думаешь, куда они подались?

– Дмитрий и эта зачумленная? Черт их знает, если честно! Хотя одна догадка у меня есть... – Какое-то время у Танка ушло, чтобы подобрать слова. – У этого урода зуб на АПБР, и здоровенный. Когда научники с ним экспериментировали, что-то они там напортачили. В результате инъекции вакцины ему требуются чаще, и ломает его сильнее, чем других «лояльных». Думаю, я бы на его месте очень захотел отомстить. Я бы даже подумал, что волки – его рук дело, но у него нет таких способностей. Это кто-то другой постарался – сами по себе волки в такие стаи не сбиваются, особенно летом. Тут либо сразу несколько Измененных-животно-водов из НМП, либо...

– Либо кто?

– Не знаю. И если хочешь знать, меня это чертовски беспокоит. Хотя Дмитрий – все же больше. Этот парень – долбанный гений, а вот крыша у него определенно не на месте. Он таскает с собой эту зачумленную как оружие массового поражения, инструмент мести. Она – его ключ ко всему. Только с ее помощью он сможет разобраться с нашим отделением в Красноярске, а заодно и раздобыть запас вакцины. Учитывая, как часто ему требуется колоться, последний мотив может быть даже более сильным. При этом очень сомневаюсь, что он просто так выпустит ее «в люди» – глобальная эпидемия ему точно не нужна. Стало быть, нам по пути – он, как и мы, сейчас на всех парах мчит в Красноярск. О нем я своих предупредил, его объявили в розыск с указанием не приближаться, а только сообщать. Внешность у него приметная, так что где-нибудь да засветится. А вот с зачумленной дело хуже: фотографии нет, особых примет – тоже, даже имени ее ты не знаешь. Вряд ли она иностранка, а раз так, «Кейт» – больше на прозвище смахивает, чем на имя. В итоге у нас нет ничего, и если, скажем, она где-то появится отдельно от своего меченого спутника, может выйти нехорошо. Мне же как можно быстрее надо дать ориентировку типа: «Увидите ее – стреляйте на поражение, не сближаясь», а как это сделать без фотографии?

– Фоторобот?

– Верно мыслишь. Все, что нам нужно, – отделение полиции, в котором его можно составить. – Он бросил взгляд на экран навигатора. – Думаю, Тулун – то, что надо. Два часа езды... или меньше.

И с этими словами Танк притопил педаль газа.

Глава 8

Дмитрий

Где-то по дороге из Иркутска в Красноярск

У всего есть своя обратная сторона. Но у чего-то их больше одной. Дмитрий к своим «обороткам» уже привык и почти смирился, но вот именно сейчас они начинали его напрягать. И дело даже не в инъекциях – того, что он забрал в Лесногорске у напарницы, ему до Красноярска хватит точно, даже с запасом. Дело в другом – его сверхспособности были интеллектуального плана, а потому мозг практически никогда не отдыхал, то есть непрерывно что-то прикидывал, просчитывал, анализировал, причем без отрыва от производства, в данном случае – вождения машины.

Сейчас темы для раздумий были, скорее, неприятного толка. Первая касалась периодически накатывающих словно чужих мыслей и желаний, тех, которые про «потом», про питерский Источник и тому подобное. До сих пор «лояльному» удавалось контролировать все, что с ним происходит, подавлять все «нерегламентированные» мысли и эмоции. Дмитрий называл это «входить в режим робота». А вот с этими почему-то не получалось. Это беспокоило и сильно. То, что не поддавалось контролю и управлению с его стороны, воспринималось как угроза, и он пока не знал, как с ней справиться.

Второй темой для размышлений была его цель под Красноярском. Базу АПБР с налета не захватить, даже если удастся запустить туда чуму – там ведь не только люди. А «лояльных» вирус не возьмет. С ними придется справляться как-то иначе. Как? Ум – это, конечно, хорошо, но на силу нужна другая сила, которой у него нет. Где ее взять? Вариант был один, и там в процессе слишком многое могло пойти не так. Но за неимением лучшего могучий мозг «лояльного» взялся за проработку этого единственного способа.

«Лояльный»-сыщик, у которого было больше прав называться аналитиком, чем у всех аналитиков-людей красноярского отделения АПБР, в процессе работы пропускал через себя огромные объемы информации, а возможности его мозга были таковы, что ни одна деталь не пролетала, не задерживаясь. Все они оседали где-то в глубоких тайниках памяти, из которых Дмитрий умел их извлекать, когда в них возникала необходимость.

Пока Обломки Сеятелей вели себя спокойно, главными задачами региональных отделений АПБР являлись поиск и ликвидация террористов НМП. Поэтому в аналитический отдел поступала вся информация о случаях появления незарегистрированных Измененных, а в особенности – о нападениях на людей или различные объекты. И вот сейчас все эти сведения пригодились, хотя за прошедший год что-то, конечно, могло и поменяться. Сводить в голове воедино всю эту статистику и мысленно наносить точки на карту Красноярского края, Иркутской области и сопредельных регионов, пытаясь вычислить, где базируется местная ячейка НМП, продолжая при этом ехать по трассе, – задача из категории невозможных. Для кого угодно, кроме Дмитрия. Он справлялся.

Постепенно на его мысленной карте формировалась зона наиболее вероятного расположения убежища террористов. Радовало то, что она сравнительно недалеко от их маршрута, и почти не придется делать крюк. Зато встретят их вряд ли радушно, и это основательно тревожило. Классические, свободные Измененные, или Новые, как их называли в АПБР, не очень-то хорошо относились к «лояльным» и, само собой, не жаловали отживших. Так что дуэт Дмитрия и Кейт рисковал быть пущенным в расход без долгих разговоров. Именно в этом состояла главная задача – подкатить к Новым с выгодным предложением, прямо как в сказке: «Не убивай

меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь». И успеть сделать это до того, как Новые превратят их в трупы. И вот такое выгодное предложение пока никак не вырисовывалось в голове Дмитрия.

Это нервировало не меньше, чем ощущение утекающего, словно песок сквозь пальцы, времени. С каждым часом вероятность того, что в АПБР просчитают его визит и подготовят теплый прием, возрастала, а следовательно, шансы на успех уменьшались. В раскладах следовало учитывать и еще два момента – его склонную к истерикам спутницу, которой наверняка не понравится идея сунуться в логово террористов, и, как ни странно, ту «лояльную», с которой они расстались под Лесногорском: Дмитрий чувствовал, что потенциально она еще способна доставить проблемы. Многозадачность его мозга аукалась сейчас «лояльному» очередным стрессом: мощный аналитический ум вываливал на него все проблемы разом – и действительные, и потенциальные, а психологически это было не айс. Даже для него.

И этот вал негатива вместе с большим количеством одновременно решаемых задач высшей категории сложности грозил перегрузкой мозга, а значит...

Он таки переоценил свои возможности и почувствовал надвигающийся приступ лишь за несколько секунд до него, но все же успел съехать на обочину и затормозить. А потом его мир превратился в ад.

* * *

Здесь боли нет. Только багровый сумрак мрачного заката. И странные изломанные фигуры,двигающиеся в полуприседе, словно обезьяны. А еще оранжевые огоньки глаз. Их много, этих фигур, и Дмитрий знает, кто они. Правда, только теоретически – вживую встречаться не доводилось. Истребители.

И опять впереди строения. Это уже точно промзона. Похоже на... электростанцию? Да, наверное. Что он здесь делает? Откуда тут истребители? Это что, Зона? Какая? Где? Дмитрий чувствует смятение. Он к такому не привык. Привык все контролировать, привык сам вести игру. Он всегда знал свою цель и шел к ней с невероятным упорством, и тогда его ничто не могло остановить. А здесь он ничего не знает. Не может понять. То, что впереди, – не цель. Точнее, цель, но не его. А чья?

Безумие какое-то! С тех пор как с ним поработали ученые АПБР, он только и делает, что борется за независимость. За то, чтобы не рвать жилы, исполняя чужие приказы, не рисковать жизнью, преследуя чужие цели. Только за свои, только за то, к чему стремишься сам, что сам считаешь важным. И при этом все время оказывается в зависимости от кого-то еще. А в данном случае вообще неизвестно от кого. Какая вопиющая несправедливость! В нем пробуждается дикая злоба, направленная одновременно и на всех вокруг, и ни на кого конкретно. Долбанные люди! Долбанный мир! Долбаное все! Как же его это за...

Впереди начинают рваться гранаты, трещать автоматные очереди. Уродливые фигуры истребителей валятся как подкошенные, но их много. Слишком много. Некоторые, чей оттенок светящихся глаз ближе к пламенному, присаживаются и плюют ядом вперед, в сумрак, откуда гремят выстрелы, и оттуда доносятся крики боли.

Все происходящее одновременно и радует Дмитрия, и бесит, и пугает. Льющаяся впереди кровь хотя бы отчасти гасит пылающий в груди пожар ненависти. Но непонимание, ради чего все это, раздражает, а мысль, что кто-то управляет им, словно куклой, окатывает ледяными волнами страха.

«Ты хочешь этого, – звучит внезапно в голове. – Именно этого. Только сам пока не понимаешь. Они нам мешают. Очень мешают. Все должно быть правильно. Как заложено...»

«Кому это «нам»?» – внезапно перебивает Дмитрий.

«Нам. Новой, высшей ступени эволюции. Тем, кто придет на смену отжившим. Ты сам такой. Ты знаешь, что нам нужно. Можешь править».

«Я не знаю».

«Знаешь. Только не помнишь. Я помогу тебе вспомнить».

«Но я не хочу править!»

«Хочешь. И будешь. Твоя армия раздавит отживших, и тогда придет наше время. Слушай меня!»

И на сознание Дмитрия бурным потоком обрушивается информация.

* * *

Боль вернулась резко, словно взрыв, и картинка реальности мгновенно изменилась: никаких истребителей, электростанции, автоматных очередей. Лес, машина и встревоженная Кейт над ним со шприцем в руке. Дмитрий мысленно похвалил себя за то, что показал спутнице, где взять вакцину на случай приступа.

Теперь его медленно отпускало. Боль, тошнота, двоящиеся образы в глазах, хаос в голове... И жутковатый осадок от той, другой реальности. Если б только можно было считать ее просто сном, так ведь нет! Чутье говорило ему, что все не так. Этот «сон» и реальность тесно переплетались, взаимно проникая друг в друга. И проникающее *оттуда* очень пугало «лояльного»...

И тут его настигло то, что произошло с ним на грани возвращения в обычную реальность. «Слушай меня!» – сказал неведомо кто, и потом... Воспоминание ударило внезапно и мощно, словно молотом по черепной коробке изнутри. «Лояльный» застонал и схватился руками за виски.

– Да что с тобой?! – всполошилась Кейт.

Если б Дмитрию не было так плохо, он бы, пожалуй, усмехнулся своей фирменной изломанной шрамом усмешкой, которая обычно так «неотразимо» действовала на всех его собеседников. Зачумленная хоть и ненавидит его всей душой, или что у нее там вместо, но куда больше боится остаться одна. Этот страх у нее буквально на лбу написан. Да и не только на лбу – она вся сейчас воплощенный страх. Но в данный момент для него важнее всего было знание, которое пришло *оттуда*.

– Почти прошло, – проскрипел наконец «лояльный», справившись с новым приступом боли. – Надо ехать.

– С ума сошел?! Ты еле живой!

– Живее, чем ты думаешь. И времени у нас уже почти нет.

– Что это значит? – Ее страх стремительно перерастал в панику.

– Скорость развития той дряни, что сидит в тебе, растет. Вакцину нужно получить как можно скорее. А до этого нам нужно еще кое-куда заехать.

– Куда?

– Доверься мне. – «Лояльный» с трудом выпрямился в водительском кресле и полез в карман. – И рукав закатай – пора колоться.

Глава 9

Выживший

Где-то по дороге из Иркутска в Красноярск

Честно говоря, уже очень хочется сдохнуть – так мне плохо. Единственное, что удерживает, – *она*. Вернее, мысли о *ней*. Ни имени, ни лица, просто туманный силуэт перед глазами. Понятия не имею, почему *она* для меня так важна, но это ни на что не влияет. Я знаю, что вначале должен вспомнить, а потом спасти.

Реальность пока, к счастью, не мерцает, и я более-менее нормально веду машину, периодически вздрагивая, представив, что будет, если «свет» мигнет, когда я за рулем. Подозреваю, что смятка из металла и человеческой плоти, обильно политая кровью. Еду по дороге на Красноярск, потому что вроде бы туда едет *она*, но прежде мне нужно разделить с «попутчиком». «Найди мне новое тело». Ха! Чтоб я еще знал, как это сделать... А ведь времени у меня уже совсем немного. Голова просто разламывается, дрожат руки, ноют суставы, в горле комок... Если так пойдет и дальше, то скоро я не смогу ни соображать внятно, ни действовать, ни даже машину вести.

На фоне всего этого даже идея заехать на окраину Иркутска, где отловить первого встречного, поначалу с негодованием отвергнутая, уже не вызвала такого отторжения. Еще чуть-чуть – и я, пожалуй, решусь. Вот только пустовато здесь: я свернул с трассы, чтобы объехать Иркутск и срезать по небольшой дороге – не грунтовке, конечно, асфальтовой, но весьма посредственного качества и, похоже, малопопулярной. Где тут взять того несчастного, чье тело вместит моего «попутчика»?

Но решать моральную дилемму мне не пришлось. Ее решили за меня. Мимолетное затруднение дыхания могло бы показаться случайным, но не мне: я-то знаю, что это атака. Измененного-пневматика. Не будь я тем, кто я есть, ошметки моих легких кровавой кашей залили бы сейчас лобовое стекло.

Я мгновенно почувствовал вектор угрозы и то, что противников аж трое. Трое Измененных на меня одного. Засада? Неожиданно опасность влияет на меня благотворно. Мобилизует, что ли. Только что почти развалина, я вдруг возвращаю себе концентрацию и четкость зрения. Отступает тошнота, перестают дрожать руки... Адреналин помог? Не знаю, но какая разница – неизвестно, надолго ли, так что надо пользоваться. Давлю на педаль газа, стремительно сближаюсь и рву из кармана пистолет. Отклоняюсь в сторону пассажирского сиденья, и это спасает мне жизнь – еще один Измененный, кинетик, швыряет в лобовое стекло обломок ствола упавшей сосны. На водительском месте меня бы просто пригвоздило, а так – ободранная рука, ссадины на лице от осколков и неслабый адреналиновый коктейль, опрокинутый залпом.

Палю в направлении вектора угрозы, но по сути – в белый свет, как в копеечку, поскольку врагов не вижу, одновременно пытаюсь вырулить левой рукой... Фиг там – ствол, пробивший лобовуху, почти заблокировал руль. Каким-то чудом мне удается разминуться с сосной и выпрыгнуть из машины через пассажирскую дверь за мгновение до того, как она насккивает на здоровенный пенёк и переворачивается. Перекачиваюсь в сторону по траве, не обращая внимания, что сучки, кочки и выступающие корни деревьев тщательно пересчитывают мои ребра. Это пережить можно, а вот еще один комель в лоб – очень вряд ли. Кстати, неизвестно, кто третий. Чувствовал-то я троих Измененных. Стало быть, надо ждать сюрприза. Я оказываюсь за пнем, машина лежит на крыше в нескольких метрах, пока только паром исходит. Надеюсь, не рванет.

Высовываюсь и снова стреляю туда, откуда прилетел обломок ствола. Давлю на спуск, пока сухой щелчок не оповещает меня о пустом магазине. Пока перезаряжаю, способности пьющего жизнь во мне улавливают где-то там, впереди, эманации боли и агонии. Похоже, попал в кого-то, и основательно так попал – не в руку навывлет.

Но пока я соображаю, как же мне добраться до остальных, остальные добираются до меня сами. Я успеваю заметить только стремительную размазанную тень, метнувшуюся ко мне из-за дальних елей, и мысленно в отчаянии выругаться: сверхбыстрый Измененный не оставляет мне шансов. Пол-оборота в направлении атаки – и пистолет на уровне груди, но в моем животе сидит уже добрых двадцать сантиметров стали. Жуткая, раздирающая внутренности боль, слабеющие колени и с глухим стуком падающий на землю пистолет... Измененный выдергивает нож для повторного удара, но не успевает его нанести: я ощущаю волну чудовищного мороза, исходящую от меня, вижу мгновенно покрывающуюся инеем траву, в которую падаю, и застывшего в замахе Измененного с ножом. Застывшего в буквальном смысле слова, почти превратившегося в ледяную статую. Успеваю еще удивиться перед падением: я такого не умею, это только фризеры... «Напарник» сработал? Сосед по телу? Видимо, да, больше никому.

А потом остаюсь только я, неровная земля под моими лопатками, синее небо, ярящееся в животе пламя боли и постепенно начинающие холодеть конечности. Умираю. Понимаю и констатирую это мысленно с какой-то философской отстраненностью, как если бы думал о том, что начинается дождь.

И тут же ощущаю что-то еще. Внутри меня становится как-то свободнее – чужая личность покидает меня, кидается туда, к последнему оставшемуся Измененному. «Найди мне тело». Ну да, вот оно. Само нашлось. Несмотря на агонию, вдруг чувствую внезапное облегчение – только тут мне становится ясно, насколько меня напрягало присутствие во мне этого чужого. Хорошо, что мы расстаемся, жаль, что таким образом. Мне бы хотелось еще пожить. Хотя бы для того, чтобы догнать и спасти ее.

Риту. Имя бьет мне в мозг словно молотком. И лицо. Ее лицо возникает перед глазами. Лукавая улыбка на тонких губах, искорки в глазах. «А вы мне что?» – в ответ на просьбу пропустить меня к своему месту в самолете. Жаркие объятия и поцелуй в каком-то разгромленном офисе и ее страстное: «Тема, ты гений!» Тема? Это я. Вот оно, все возвращается, да только поздно уже. Жестокая ирония – вспомнить все и умереть, не успев сделать самого главного. Рита, прости...

Меня накрывает чья-то тень. Слышу незнакомый голос:

– М-да, неловко вышло. – В тоне, Впрочем, совершенно не слышно сожаления. – Но если хорошо подумать, все к лучшему.

– Ты... кххха-кха... увхерен? – Говорить мне тяжело, на губах выступает кровь.

– Ну да. Мне не пришлось делать это самому. А мы бы друг другу в любом случае мешали. Даже в разных телах. Так что в решении позвать сюда этих Измененных было даже своеобразное изящество.

– Это ткхы? – У меня еще, как ни странно, есть силы на удивление.

– А кто же еще? Или ты веришь в такие совпадения? Нет, сувайвор, если хочешь хорошего результата, все надо брать в свои руки.

– Ктхх ткхы? – говорить все труднее. Похоже, Измененный своим ударом ухитрился как-то и легкое задеть. Или он успел дважды ударить?

– Не помнишь? – чуть удивляется бывший сосед по телу. – Впрочем, это тоже к лучшему – ни к чему тебе. Рана смертельная, даже ты не выкарабкаешься. А теперь прости, у меня много дел. И спасибо, что помог оттуда выбраться.

Шаги удаляются, и остаюсь наедине со своей надвигающейся смертью.

Глава 10

Дмитрий

Где-то по дороге от Иркутска в Красноярск

«Лояльный» шагал вперед по узкой лесной тропинке, выглядевшей так, будто вот-вот исчезнет, растворится в траве, с уверенностью опытного проводника, точно знающего, куда идти.

«Сусанин со стажем», – подумал про себя Дмитрий и даже усмехнулся. Только на сей раз его жуткая изломанная ухмылка пропала зря – плетущаяся сзади Кейт ее видеть не могла. «Лояльный» представлял, что она сейчас может думать. Ничего хорошего. Например, что ее спутник сошел с ума. Или что, наоборот, прозрел, решил завести зачумленную подальше в лес, там прикончить и закопать. Во избежание. «Может, и стоило бы», – мелькнула мысль, но тут же была отмечена: все давно решено, этап сомнений пройден. Он уже не свернет с избранного пути – это было бы предательством самого себя. Сдаться в АПБР с повинной? Его, наверное, не убьют – таким ценным ресурсом не разбрасываются, но это получится добровольное возвращение в ад, и второго шанса вырваться может уже и не представиться. Нет уж, вперед, только вперед.

«Лояльного» вел внутренний навигатор, который ни разу еще не давал сбоев, поэтому все гуще обступающая его тайга и зарастающая тропинка не пугали Дмитрия. Пугало его другое – то, что ждало на том конце пути. Те, кто ждал. Террористы НМП, Новые. Убийцы, которые часто убивают, не вступая в переговоры. Кейт боялась еще больше: и своего спутника, и леса, и неизвестности. Будешь тут бояться, когда он ей ничего не объясняет, и все, что она слышит: «Доверься мне». Угу, именно то, что располагает к доверию. Но скажи он ей хоть часть правды, была бы истерика и отчаянное сопротивление, в результате коего ее пришлось бы вырубить и тащить на себе бесчувственное тело. Не самый лучший вариант. Силы ему еще понадобятся.

Новых Дмитрий тоже чувствовал. Впереди. Все ближе. Это означало, что он на правильном пути. А четверо приближались особенно быстро – явно шли навстречу незванным гостям. К своему удивлению, «лояльный» даже определил их видовую принадлежность: кинетик, пневматик, пиромант и сверхбыстрый. Внушительная команда. Почти на все случаи жизни. Такие даже сувайвора прикончили бы, пожалуй.

Мысль о сувайворе неожиданно резанула «лояльного» тревогой, пробудила ощущение, будто он что-то упустил из виду. Сталкер по прозвищу Художник, последний сувайвор. Сам-то он сейчас покойник, но есть женщина, которая носит его ребенка. Где-то она сейчас? Что делает? Ребенок сувайвора, кстати, может оказаться полезен в начинающейся игре. Очень полезен. Правда, он, Дмитрий, не собирается задерживаться в этой игре надолго. Он только получит свое в Красноярске и свалит. Вернее, попытается свалить. А Кейт тогда уже перестанет быть полезна, и от нее придется избавиться. Как от бомбы, которая может взорвать весь мир. А его не надо взрывать. Пусть живет. В нем, правда, есть кое-кто лишний, кого хорошо бы из этого мира убрать. Остальные же Дмитрию не мешают – он найдет, куда от них деться. Только вот надо решить проблему вакцины. Вовсе не факт, что потенциальной добычи в Красноярске «лояльному» хватит до конца жизни... А вот кстати!

Мощный интеллект «лояльного» скакнул с одного предмета на другой. Ребенок сувайвора! Ведь его кровь при переливании передает реципиенту свойства донора. Стало быть, и неуязвимость к вакцинальной зависимости и ломке тоже. Вот оно! Кровь сувайвора, а значит, и его ребенка – сама по себе супервакцина! Дмитрий задрожал, словно в лихорадке. Какого же дурака он сваял, отпустив там, возле схлопнувшегося лесного кармана, ту «лояльную»,

Риту! Ведь у него в руках было решение всех проблем, а он его бездарно продолбал, увлекшись другой идеей. А если бы сейчас эта беременная «лояльная» была с ним... Нет, мести ублюдкам-научникам из красноярского АПБР это бы все равно не отменило. Но все остальное стало бы намного проще! Гений, да? Мощный интеллект? Кретин он, вот кто! Дмитрий с трудом удержался, чтобы не садануть себя ладонью по лбу.

Да, есть нюансы. Да, ребенок сувайвора – это решение на перспективу. Прямо сейчас ведь у него кровь не возьмешь. И неизвестно, кстати, когда эта кровь обретет все необходимые свойства. Возможно, только после рождения. Окажись Рита в данный момент во власти Дмитрия, он бы, чего доброго, не удержался и распотрошил ее сразу, чтобы извлечь зародыш из чрева, наплевав на риск. Так что, пожалуй, к лучшему, что она пока далеко. Но поймать ее еще вполне возможно. Он вычислит, а Новые (если, конечно, удастся их привлечь на свою сторону) схватят. А к тому времени и Дмитрий слегка остынет, сможет рассуждать и действовать прагматично...

Черт! Новые! Он отвлекся и почти забыл о них, а ведь они совсем рядом. Как, вот как ему склонить к сотрудничеству этих убийц? Вся надежда на собственный ум, хитрость и изворотливость. Что он прямо на ходу сможет придумать что-нибудь убойное, сделать им предложение, от которого они не смогут отказаться. Вот только одного ума для этого недостаточно. Нужен еще хорошо подвешенный язык. Жаль, что умение общаться с другими человеческими и человекоподобными существами никогда не являлось коньком Дмитрия. Скорее, его «талантом» было пробуждать в них страх и неприязнь к себе.

Знание из сна-видения настойчиво стучалось в его мозг, но оно было слишком невероятным. «Лояльный» даже близко не представлял, как сможет воплотить в реальность то, что он услышал там. Причем непонятно от кого. Заслуживал ли доверия подобный источник? А с другой стороны, что еще он сможет сделать? В данный момент для них с Кейт точка невозврата уже давно позади – слишком далеко они зашли во владения Новых. Теперь даже если они обратятся в бегство, убийцы из НМП живыми их не выпустят. Поздно сомневаться. И другого способа спастись и взять верх Дмитрий не видел при всей мощи своего интеллекта.

И тут в его голове зазвенел набат: опасность! Прямо сейчас! «Лояльный» только и успел, что открыть свое сознание так, как говорил голос из видения. И в тот же миг почувствовал, как нечто могучее хлынуло в него и сквозь него, словно он был линзой, фокусирующей излучение. Все это произошло очень вовремя, потому что от приближающихся Новых тоже хлынул поток энергии. Дмитрий не разобрал, что это был за поток, какого рода воздействие, однако явно враждебное – Измененные решили разобраться с незваными гостями, не вступая в переговоры. Но чем бы там они ни пытались ударить, встречная волна Дмитрия легко нейтрализовала их воздействие, а добравшись до них самих, погасила их способности, как это делают «глушители». Только ни один «глушитель» не способен нейтрализовать четверых боевых Измененных сразу.

Дмитрий ощутил эмоциональные всплески изумления и страха с той стороны, хотя и сам, пожалуй, был удивлен не меньше, потому что не владел никакими активными способностями. То, что сейчас произошло с Измененными, сделал не он, а словно кто-то через него. «Лояльный» ощутил себя пистолетом в чужих руках, и ощущение это отнюдь не было приятным. Пусть даже руки эти пока вроде бы помогали ему, однако Дмитрий не питал иллюзий, что неведомый доброхот – его союзник. У таких есть только рабы, а значение имеют только их цели. На интересы же какого-то там «лояльного» чихать им с высокой сосны.

Но думать об этом времени уже не оставалось: на прогалину впереди выходили четверо Измененных. Еще несколько шагов – и на ней же окажутся Дмитрий с Кейт. И вот тут уже с ходу нужно начинать переговоры, потому что глушение глушением, но рослые, сильные мужчины вчетвером смогут расправиться с ними двоими даже без всяких сверхспособностей и оружия. При «лояльном» же только пистолет, из которого он пристрелил напарницу в Лесногорске.

Четыре патрона в обойме. По патрону на Измененного. Но стрелять в Новых Дмитрий не станет – он пришел сюда не убивать, а за помощью.

«Лояльный» поднял руку, давая спутнице сигнал остановиться. Кейт молча подчинилась, ограничившись недоуменным взглядом. Дмитрий шагнул к ней и склонился к ее уху, мимоходом отметив, что зачумленной стоило большого труда не отшатнуться. Прошептал:

– Только без паники. Сейчас мы встретимся с Новыми. Из НМП. Что бы я ни говорил, молчи! Кивни, если поняла.

Поняла. Кивнула. Постаралась медленно и спокойно, но все равно получилось судорожно. Хорошая девочка. Умная девочка. Знает, кто такие Новые. И знает, что хорошим девочкам рядом с ними делать нечего. Но будет молчать и делать что говорят, поскольку надеется. И так будет до тех пор, пока эта надежда в ней не умрет. Пока она не поймет, что «лояльный» и не собирается ее лечить. Что это вообще невозможно. Что Дмитрия интересуют только месть и запасы антиновы в красноярском АПБР. Что «вакцина», которую он ей колет якобы для замедления развития ее болезни, на самом деле – простая глюкоза. А когда поймет... Впрочем, это будет потом. А сейчас актуальнее другое.

Они вместе шагнули на прогалину. Навстречу Новым. И Дмитрий уже знал, что им скажет.

– У меня есть план, как уничтожить красноярское отделение АПБР и как раздобыть биологический материал сувайвора для опытов. Вас это интересует?

Глава 11

Выживший

Где-то по дороге от Иркутска в Красноярск

Мне больно и холодно. Жизнь утекает из меня как плата за знание, за возвращающиеся воспоминания. Только к чему они мне там, в могиле? Я догадываюсь, кто был со мной в одном теле и кто сейчас, перескочив в материальную оболочку Измененного, ушел по своим непонятным делам, оставив меня умирать. Посвященный лесногорского Обломка. У нас с ним не было шансов вырваться из коллапсирующей гигантской аномалии. Поодиночке не было. Но вдвоем как-то получилось. Кстати, я не помню как. Едва ли не единственное, что сейчас осталось неизвестным. Видимо, для этого ему пришлось войти в мое тело и... может быть, создать пространственную аномалию внутри пространственной аномалии и успеть нырнуть в нее за мгновение до катастрофы... А теперь он здоров и полон сил, а я погибаю от ножевого ранения.

Ужасно обидно! Причем я ни на минуту не верю в то, что у него благие намерения. Скорее, как раз наоборот. Но я никак не могу ему помешать. И Риту тоже не могу спасти. Не хочу! Не хочу так! Я же сувайвор, черт побери! Я через такое прошел, что некоторым и в самых жутких кошмарах не снилось. И выжил. А тут какой-то мутант с разогнанными рефлексамися меня прикончит? Да черта с два! Не дождетесь!

Итак, что я умею? Давай, Художник, вспоминай! У сувайвора должна быть некоторая повышенная стойкость организма и даже, по-моему, регенерация. Особенно если сувайвору этому вкатили дозу крови Измененных. А мне вкатили, я точно помню. Сам загнал себе в вену порцию крови Риты – Измененной, пьющей жизнь. Потом, кстати, еще Посвященный мне свою кровь вливал... Для того чтобы я ему поверил. И черт его знает, что за коктейль был намешан в его крови, об этом я могу только гадать. Пока будем исходить из того, что знаем точно. Итак, пьющий жизнь. Не так плохо. Только вот не из кого ее здесь пить. Призвать зверей, как это сделал мой сосед по телу, я не смогу, наверное... Или смогу? Даже если такое во мне есть, я понятия не имею, как это использовать.

Пытаюсь почувствовать ближайших зверей или птиц и позвать их к себе просто мысленным «иди сюда». Ничего не получается, только силы начинают убывать быстрее. Либо я что-то делаю не так по неопытности, либо слишком слаб для подобных номеров, либо это мне просто не передалось. Ладно, тут облом. Что у нас еще?

Помнится, в моих снах-видениях в Лесногорске Катаев учил меня корректировать реальность, увеличивая вероятность хороших событий. А кстати, тема! Чего я хочу? Чтобы прямо сейчас мимо проехала машина с кем-то, кто умеет оказывать первую помощь и перевязывать раны. И чтобы этот кто-то довез меня до больницы. Там-то я быстро оклемаюсь. Пытаюсь настойчиво представлять такой вариант развития событий. Получается плохо, перед глазами мутится, усиливается боль в животе и кровотечение, и в виски словно по десятку иголок вонзают. Нет, так я кони двину раньше, чем что-то у меня получится. Нужны силы. Нужно живое, из чего их можно взять. Постойте, а трава что, не живое? А кусты, деревья, червяки, букашки всякие? Клещи те же. Они ведь тут есть, просто обязаны быть. Ну-ка, ну-ка...

Включаю свой вампирический насос на полную мощность. Честно говоря, с этой способностью у меня тоже опыта небогато, но по крайней мере что-то получается. Я чувствую, как холодная волна расползается от меня во все стороны, и все живое, накрытое ею, гибнет. У этого живого силы немного, но оно отдает ее всю без остатка, и мне понемногу становится легче. Чуть приглушается боль, все медленнее начинает течь кровь, постепенно останавливаясь. Вот

бы и рану заживить, только это очень вряд ли – с мелочи вокруг столько энергии не возьмешь. Но по крайней мере не умру. Продержусь до... чего? Момента, когда кто-то случайно проедет мимо и решит остановиться? Здесь, на не шибко популярной, а точнее, довольно-таки глухой дороге, возле разбитой машины, труп с огнестрельными ранениями и раненого с ножевыми? Ну да, щаз! Сил для того, чтобы запустить коррекцию реальности, у меня по-прежнему не хватает. Для этого надо еще лежать и лежать, надеясь на живучесть организма сувайвора и его регенерацию. Только это долго – у меня нет столько времени. Рита и ее похититель удаляются от меня, и я подозреваю, что если не потороплюсь – могу фатально опоздать, и с ней случится нечто необратимое. Этого нельзя допустить!

Оглядываюсь и холодею. Зеленой травы вокруг меня больше нет. В радиусе десяти метров как минимум. Засохла, почернела. Куст, попавший в этот радиус, тоже превратился в растительный скелет – мертвые, скрюченные ветки, осыпавшиеся листья. К горлу подступает ком – ничего себе! А собственно, на что я рассчитывал? Что моя способность из воздуха энергию брать будет? Ничто не возникает на пустом месте. Энергия не берется ниоткуда. Жучки, букашки, клещи, черви, бабочки тоже наверняка валяются вокруг меня в большом количестве, мертвые. Я сознаю это, но не вижу их. А вот почерневшую траву и погибший куст вижу. И мне страшно от этого. И грустно. Что не отменяет необходимости выжить, чтобы спасти Риту. Ту, в ком сейчас сосредоточен весь свет моего единственного, далекого, подслеповатого окошка. Нет ничего другого. Нет иного смысла. Только этот – женщина, с которой меня свел авиарейс, и крохотная жизнь, частичка меня, растущая внутри нее.

Уходить отсюда. То есть не уходить, а уползать. Из этого черного круга смерти, от разбитой машины и трупа. Не к трассе, конечно, – через заваленный буреломом лесной массив я далеко не уползу, да и заблужусь на раз, но вот вдоль дороги можно попытаться. Туда, где не будет столь страшного антуража и больше шансов найти доброго самаритянина. Только для этого нужны силы... Эх, простите меня все!

Закрываю глаза, вонзаю пальцы в почву на все три фаланги и усиливаю вампирические импульсы. Вон до той ели у границы мертвой зоны всяко можно добраться. И до тех двух мелких сосенок. И того малинника тоже. Смогу, если захочу, благо с хотением у меня проблем нет. Дотянусь, сожму мертвой хваткой и вытяну жизнь. Потому что мне нужно. Очень нужно.

Губительный холод расплзается, а мне в то же время делается теплее. Я начинаю чувствовать ноги. Двигаться уже проще. Не смотрю ни на ель, ни на сосенки, ни на малинник. Не хочу видеть сушь и черноту, пожирающую их. Пусть трусость, пусть тактика страуса. Все, что может ослабить мою решимость, – к черту! Я все равно чувствую губительное действие своих способностей, но меня это не остановит. Ползу. Как Мересьев. Моя рана не начинает снова кровоточить только потому, что я вливаю в себя всю энергию, до которой могу дотянуться. И двигаюсь вдоль дороги. На юго-запад, не оглядываясь. Все это медленно, но неуклонно. Не оглядываюсь назад, на место схватки с Измененными. Надеюсь, оно уже скрылось из виду. Мне так легче. Ползу и продолжаю рассылать во все стороны смерть. Чернота и сушь сопровождают меня, словно гибельная аура.

Внезапно вспоминаю компьютерную игру, в которую играл в детстве. Там было жуткое создание, которое, шагая по земле, оставляло за собой мертвую пустыню. Сейчас я делаю что-то подобное. И отчасти извиняет меня только одно – моя цель. Если я не найду и не спасу Риту, и все это окажется напрасным... то лучше мне будет просто сдохнуть. Я вытащил из Зоны неизвестно кого с невероятно мощными способностями. И этот неизвестно кто положил уже целый отряд АПБР, а теперь шарашится по миру с неизвестными намерениями, и я очень сомневаюсь, что, когда он станет их осуществлять, миру эти намерения понравятся. Я ползу и убиваю лес вокруг, словно какое-то умертвие... Мне нужно совершить чертовски серьезные добрые дела, чтобы искупить все это.

Ползу уже на автопилоте. Не обращаю внимания ни на что вокруг. Еще чуть-чуть – и можно будет попробовать. Оглядываюсь на оставшуюся за спиной черную полосу и тихо матерюсь себе под нос. Все, хватит. Не дело, если там, где я остановлюсь, меня будет окружать мертвая трава. Народ сейчас пуганый – телевизионные новости каждый день круче любого фильма ужасов. От любой непонятки люди шарахаются, и, между прочим, правильно делают. Я же хочу, чтобы мне помогли.

Ставлю очередную веху на своем маршруте – густые заросли кустарников. Их надо обогнуть. Жутко утомительно, конечно, но главное – оказаться там, откуда не будет видно этой безобразной черноты. Стараюсь ползти размеренно, чтобы не выбиться совсем из сил, иначе ничего не останется на коррекцию реальности. А без нее, похоже, никак.

Казалось, проходит вечность, пока заросли наконец остаются позади. Падаю без сил в траву и переворачиваюсь на спину. Немного отдышаться – и за дело. Закрываю глаза – так мне проще. У меня ведь и в этом опыта шиш да маленько. Научился во сне-видении, пару раз делал такое в Лесногорске, и все. Чего я хочу?

Начинаю на ходу лепить нужную мне версию реальности. Врач. Сельский врач, возможно, фельдшер. Едет в... какая тут ближайшая деревня? А, не важно, главное, что по этой дороге... К пациенту. Нет, лучше от пациента, так больше вероятности, что остановится. Видит меня, и... Только не думать о том, какова вероятность подобного развития событий! Неверие может все испортить. А тут даже не верить надо, а просто знать, что оно так и есть. Что это такая же реальность, как то, что я лежу на спине раненый и вдыхаю травяные и хвойные запахи окрестного леса. Как то, что за теми кустами – почерневшая от прикосновения моей вампирической Силы растительность, а немного подальше – труп Измененного с несколькими пулями в теле.

Постепенно детализирую картинку, но без фанатизма, чтобы не слишком заужать тропу, на которую придется сворачивать событийной цепочке реальности. Цвет, марка машины не важны. Не очень важно даже то, кто за рулем, как он (она) выглядит. Главное, что приближается эта машина со стороны, противоположной той, откуда приполз я. Самаритянин (самаритянка) не видит почерневшей травы, кустов и деревьев. Не видит раздолбанного внедорожника и трупа неподалеку от него. Ничто не нарушает ее спокойствия. Она только что помогла больному и возвращается домой в хорошем настроении, с чувством выполненного долга... Стоп, почему «ее» и «она»? Да потому что образ такой возникает у меня перед глазами. Реальность откликается на мои действия, делает шаг навстречу, материализует мои запросы.

И на лицо мое крадучись, словно кошка на спящего хозяина, заползает пока еще робкая оптимистичная улыбка. Получается!

Глава 12

Самаритянка

Окрестности Иркутска

Солнце светило в спину, не жарко, легкий ветерок. Яна Миронова опустила стекло с водительской стороны и поймала себя на том, что напевает арию из своего любимого мюзикла:

Героям – подвиг!
Подонкам – повод!
Юнцам посулим боевую славу.
Надежду – нищим!
Голодным – пищу!
И каждый из них обретет то, что ищет¹.

Это был действительно хороший вечер, и Яна пребывала в превосходном настроении. Пожалуй, идея стать врачом общей практики, поначалу воспринимавшаяся как безумная авантюра, оказалась вовсе не так уж плоха и начала приносить плоды. Несколько семей в четырех поселках к северу от Иркутска наняли ее в качестве семейного доктора, не испугавшись молодости. Яна успела себя зарекомендовать, еще работая в районной больнице, куда многие ездили специально к ней. Это ли не показатель?

Главное, что теперь она могла заниматься своими пациентами индивидуально, избавленная от иссушающего душу и выматывающего больничного конвейера. Там на каком-то этапе Яна с ужасом обнаружила в себе ростки цинизма и формального подхода, порожденные большим потоком пациентов, переработками, накапливающейся усталостью и недосыпом. И ужас ее был совершенно понятен: работа-призвание, работа – смысл жизни могла превратиться в ненавистную каторгу, а энтузиазм и сострадание к больным – в потухшие глаза и утомленно-досадливое «ну-что-там-еще?».

И тогда Яна просто сбежала. Уволилась, причем не с переходом куда-то, а так, на пустое место. Близкие, друзья и коллеги смотрели на нее с недоумением и пытались отговорить от «большой ошибки», но когда Яна что-то решает – ее и бульдозером не свернуть. Решение стать врачом общей практики пришло ровно через сутки после того, как ее заявление об уходе легло на стол главврачу. А дальше бульдозером уже стала сама Яна.

Кто бы мог подумать, что в такой хрупкой, изящной девушке с ангельской внешностью скрывается столь прочный стальной стержень? Что она способна на такой целеустремленный напор? И это при почти полном отсутствии всякой поддержки. Даже близкие уговаривали перестать дурить и возвращаться в больницу. Но куда там!

Зато какой был триумф, когда с ней заключила договор первая семья! Это сделала она, Яна Миронова! Сама, без блата и мохнатой лапы, почти без помощи со стороны. И вот для нее настала новая жизнь. Та, о которой она мечтала. Яна не сомневалась, что справится, что оправдает доверие этих четырех семей. Вот как сегодня. Случай вроде бы проходной, но из таких и состоит работа семейного доктора, врача общей практики. Да, ей не делать сложнейших операций, о которых потом будут писать большие статьи в медицинских журналах, не ездить на конференции за границу. Зато она будет ближе к людям, не превратится в робота, для которого все эмоции, в том числе и сострадание, – только помеха в профессиональной деятельности.

¹ «Армия чародея» из мюзикла «Последнее испытание». Слова Елены Ханпиры.

«Не принимай близко к сердцу!», «Не пропускай через себя!» – вот были самые популярные советы от ее более опытных коллег по больнице, когда у Яны наступал передоз чужой болью. Но она не хотела так. Хотела принимать и пропускать. И не могла иначе. Близкие не понимали, почему она отказывается от карьеры. С ее-то способностями Яна вскоре могла перевестись в областную больницу, а там, глядишь, и еще какая-нибудь возможность подвернется. А ей нужна была не карьера, а вот эта простая радость вроде сегодняшней, когда ребенок избавлен от боли, и вся семья ей благодарна. И таких простых радостей у нее может быть много. И будет много – в конце концов, она только начинает жить – ей еще и тридцати нет.

Сегодняшний вечер был из тех, которые хочется отпраздновать. Хотя вроде с чего бы? Обычное дело в ее работе. А вот Яне захотелось сделать что-нибудь необычное, не как всегда. Пусть даже по мелочи. Проехать до дому другой дорогой, например. Вот этот проселок, кстати, очень симпатично смотрится. Яна подумала, что давно хотела проверить эту дорогу – мало ли, может, она короче или живописнее. И сегодняшний вечер казался наиболее подходящим для такого эксперимента. Яна никогда не была авантюристкой по натуре. Да, в тех делах, которые касались главных для нее вещей, она готова была делать резкие шаги и многое ставить на кон, но рисковать в мелочах, лишь бы что-нибудь отчебучить, она считала глупым. Но почему-то именно сегодня у нее возникло настроение делать глупости. В конце концов, жить, никогда их не делая, – довольно-таки скучно, разве не так? Вот то-то и оно. И Яна свернула на проселок.

* * *

Дорога изобиловала ямами, а машина у Яны на внедорожник никак не тянула, так что у девушки довольно быстро появился повод пожалеть о своем опрометчивом решении. Но, как ей не раз говорила мама, упрямство вперед нее родилось, так что разворачиваться Яна не стала. Сложности даже раззадорили девушку. Ей вдруг стукнуло в голову, что эти препятствия расставлены на ее пути специально, чтобы проверить решимость. А там, за ними, ждет награда. Яна понятия не имела какая, но почему-то не сомневалась, что ради нее стоит постараться.

Проселок выглядел довольно-таки глухим, и лес почти везде тесно сжимал его в своих крепких зеленых объятиях. Дремучий такой лес – самая настоящая тайга. И не подумаешь, что в паре десятков километров к югу – уже окраины областного центра.

Засмотревшись на мрачный пейзаж, Яна пропустила очередную яму. К счастью, она была не настолько большой и глубокой, чтобы «Лада Веста» села на брюхо, однако зубы у девушки лязгнули ощутимо, и она едва не прикусила язык. С ее губ даже сорвалось короткое, но емкое ругательство, а в следующий же момент будто кто-то вонзил ледяную иглу в основание позвоночника девушки, и она поспешила остановить машину. Тормозила по науке – с работающим сцеплением, так что «Веста» остановилась плавно, проехав еще несколько метров, а девушка принялась вертеть головой – показалось или нет?

То, что заставило ее остановиться, лежало где-то недалеко от левой обочины и до ужаса напоминало человеческое тело. Лежало или нет? Может, Яна просто начала нервничать на этой глухой дороге, и ей померещилось? Но проверить было необходимо. Из машины девушка ничего не видела, так что пришлось выйти. У Яны хватало знакомых женщин и даже мужчин, которые в подобном случае ни за что не стали бы даже тормозить, а добавили газу и поспешно уехали бы. Потому что народная примета гласит: человеческое тело на глухой дороге в лесу – к проблемам. Но Яна была слеплена из другого теста, иначе ни за что не стала бы врачом.

И все же ей было страшно. Осторожно двигаясь назад, в направлении, откуда она ехала, девушка пристально вглядывалась в густую траву на дальней обочине, почти надеясь ничего там не увидеть, и коленки у нее при этом ощутимо подрагивали. На ум сразу пришла куча современных страшилок на тему Измененных, террористов НМП и тому подобной жути, о которых она почему-то даже не подумала, сворачивая на глухой проселок. Все эти истории

казались чем-то невообразимо далеким. Они были где-то там, за многие тысячи километров от Иркутской области. Но так хорошо было думать дома, в своей квартире, перед телевизором. Здесь же, в глухом лесу, в голове начинала крутиться мысль, что далеко не все, связанное с Зонами, мутантами и Измененными, попадает в новостные программы – кому нужна паника среди населения? И если здесь, в окрестностях Иркутска, происходит что-то подобное, об этом вовсе не обязательно расскажут по телевизору.

Яна и сама не знала, почему в связи с телом на дороге ей вспомнились именно Измененные. Мертвые тела могут образоваться по сотням различных причин: сердечный приступ у грибника, разбойное нападение с убийством, дикие звери и многое, многое другое. И то, что тело, которое она предположительно видела, мертвое, – тоже очень даже не факт. Может, кому-то просто стало плохо, или он напился пьяный...

Перебирая мысленно наиболее вероятные варианты, она продолжала шаг за шагом приближаться к месту, где, как ей показалось, лежал человек. Каждый новый шаг был все труднее, словно она выдирала ноги из болотной жижи с пудом грязи на каждой. И вдруг встала как вкопанная. Не показалось – человек лежал на спине в высокой траве, и джинсовая рубашка его стала на животе красно-коричневой. Вряд ли он пролил на себя вино или кетчуп. Очень похоже на ранение. И эта мысль, словно крепкая оплеуха, вышибла Яну из ступора. Чувство врачебного долга оказалось сильнее страха, и она хотела сразу броситься к пострадавшему (даже с дороги было видно, что он жив – живот вздымался от прерывистого дыхания), но сообразила, что ей непременно понадобится перевязочный комплект, и метнулась обратно к машине.

Пока она доставала аптечку, у нее мелькнула мысль позвонить в ближайшую больницу – ведь если у незнакомца серьезное ранение, его все равно придется туда вести, но Яна отмахнулась от этой мысли: сначала нужно посмотреть самой. Возможно, сейчас каждая минута дорога, какое там звонить!

Не прошло и полуминуты, как она уже склонилась над раненым. Это был среднего роста жилистый шатен примерно тридцати пяти лет, хотя щетина и печать дикой усталости на лице заметно старили его. Довольно спортивного телосложения и, судя по всему, успевший побывать во многих передрягах. Поймав себя на том, что оценивает мужчину с точки зрения его привлекательности, Яна мысленно обозвала себя дурой и мотнула головой, словно пытаясь вытрясти оттуда лишние мысли.

Рана выглядела жутко. Ножевая, в верхней части живота, довольно длинная. Наверняка повреждены внутренние органы. Не похоже на работу Измененных. Видимо, обычные бандюганы постарались. Яна поежилась и непроизвольно оглянулась. Да нет, вряд ли они еще здесь. Скорее всего тормознули машину, пырнули владельца ножом, бросили здесь умирать и уехали на его тачке. Беспредел какой-то. Яна думала, что подобное давно в прошлом, ан нет! Вот и думай, кого больше опасаться – Измененных или собратьев по биологическому виду.

«Так, хватит! – приказала себе Яна. – Делай свою работу, ты ведь доктор, а неследователь!»

Первым делом она продезинфицировала рану и вколола незнакомцу противостолбнячную сыворотку. В процессе он застонал и открыл глаза.

– Тихо-тихо! – попросила Яна. – Все будет хорошо. Сейчас перевяжу, и поедем в больницу.

– Не... надо... в больницу!

Яна про себя чертыхнулась. Это можно было предвидеть.

– Я вижу, долг в тебе сильнее предубеждения.

– Ты должен в храме завершить лечение.

– Нет, не в этот раз².

Она не стала спрашивать почему. Меньше знаешь – крепче спишь. Может, и не ограбление с угоном. Может, за ним охотятся. Может, он вообще – преступник в розыске. Вот это ты влипла, подруга! Главное, глубже не влипни. Зачем тебе нужны чужие неприятности? Только долг свой исполни – и до свиданья!

– Хорошо-хорошо, только потерпите и не волнуйтесь. Перевязку-то надо сделать. Потом отвезу вас... куда скажете.

Да уж, пообещала так пообещала! Везти его «куда он скажет» может оказаться очень опасным. С другой стороны, не оставлять же бедолагу здесь, в лесу!

Он утомленно прикрыл глаза. Решив считать это знаком согласия, Яна продолжила свою работу. На мгновение у нее возникло странное ощущение – что раненый пытается казаться более немощным, чем он есть на самом деле. И что рана должна бы выглядеть куда хуже, чем кажется сейчас. Словно она даже помаленьку заживать начала. Отметя эту мысль как заведомо бредовую, Яна продолжила перевязку. Видела, как раненый время от времени сжимал зубы, чтобы не издать ни звука. Похоже, это для него почему-то было важно. Возможно, привычка. С Зоны. Не той, которая уголовная, а которая аномальная. Где куча всяких монстров, мутантов, Измененных. Где каждый день играешь в пятнашки со смертью и не можешь позволить себе крик, когда больно... Может, он сталкер?

Так вступил со смертью в игру я.
Партию на равных веду я,
Где враги любовников ближе,
А удар нежней поцелуя³.

«Так, стоп, девочка! – снова осекла она себя. – Эк тебя на романтику-то растащило! Ты еще влюбишь в него сейчас! Приключений захотелось? Коктейльчиков адреналиновых?»

Яна не могла сказать, чего ей хотелось на самом деле. Вернее, глобально – могла и в жизни этого добила. Но сегодняшнее неожиданное приключение застало ее врасплох, и она понятия не имела, как теперь быть. Может, она не нагулялась, ненаприключалась еще. Может, слишком быстро взяла свою жизнь в ежовые рукавицы и подчинила все одной цели. И чего-то ей, видимо, не хватило. Того, от чего захватывает дух на самом пике виража между ужасом и восторгом. Оно конечно, многие всю жизнь так проживают, и ничего. Но этим многим, возможно, и не выпадал такой случай. А ей вот выпал. Раньше, до того, как она воплотила свою мечту в работе, такое, возможно, было бы и совсем некстати. Но сейчас-то! Сейчас, когда у нее уже все получилось, немного можно?

Хм, «немного»! Если только в подобных делах это слово применимо. Приключения вроде этого половинчатыми не бывают: либо ты в них погружаешься с головой, либо не встревай вообще и проезжай мимо. Тут не компьютерная игрушка, на которую можно убить несколько часов и бросить, если не пошла. Тут себе жизнь сгубить на корню можно.

За всеми этими мыслями девушка несколько замедлилась с перевязкой. У нее было такое ощущение, что момент, когда она закончит, станет поворотным: или туда, или сюда. И решение, которое она примет, обжалованию подлежать не будет. Ну что же...

– Все, – неожиданно для себя произнесла Яна и сама не узнала своего голоса. – Сейчас подгоню машину поближе и попробую помочь вам в нее перебраться.

² «Встреча у летописца» из мюзикла «Последнее испытание». Слова Елены Ханпиры.

³ «Детство чародея» из мюзикла «Последнее испытание». Слова Елены Ханпиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.